

Средновековен бегем Ева Давнас...

НОРА

№1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

РОБЕРТС

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ!

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Annotation

Лейтенант нью-йоркской полиции Ева Даллас берется за очередное запутанное преступление: похищен и убит бывший сенатор Эдвард Мира. Ева подозревает, что мотивы злоумышленников личные, а не политические. Эти догадки подтверждаются, когда вместе с телом Эдварда находят плакат с посланием о том, что правосудие свершилось. Теперь лучший следователь города полна решимости раскрыть все тайны покойного и узнать, каких врагов он мог нажить за свою долгую карьеру. Предстоит выяснить, что скрывают высокопоставленные друзья погибшего. И если полицейский значок не поможет Еве получить пропуск туда, куда другим не пройти, на помощь придет ее муж-миллионер.

Нора Робертс

Без срока давности

© Т. Зюликова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Настоящее — живой итог прошлого.

Томас Карлейль

Правосудие всегда жестоко к виновной стороне, ибо в собственных глазах каждый невиновен.

Даниель Дефо

Верность умершим заставила Денниса отправиться под ледяным дождем в Сохо^[1], вместо того чтобы поехать домой. Дома можно было бы как следует отдохнуть — что-то устал он сегодня. Уютно устроиться у камина с хорошей книгой и стаканчиком виски и ждать, когда вернется с работы жена.

А пришлось сидеть на заднем сиденье такси, вдыхая слабый душок переспелых перцев и мускусных духов, и ехать по обледенелым дорогам на встречу с кузенком Эдвардом, которая грозила вылиться в отвратительную ссору.

Деннис терпеть не мог ссор и не понимал тех, кто, как ни странно, находит в них удовольствие. Знакомые считали, что у него талант сглаживать острые углы. Однако на этот раз конфликта, судя по всему, не избежать.

Жаль, подумал он, наблюдая, как дождь со снегом бьет в окно такси. Ударяясь о стекло, капли шипели, будто злобные змеи.

Когда-то они с Эдвардом были как братья: общие приключения, общие секреты, общие цели — возвышенные, разумеется. Однако дороги кузенов разошлись, и время давно их разлучило. Деннис почти не знал того человека, которым стал теперь Эдвард. Понимал его с трудом, а симпатизировал ему, увы, еще меньше.

Так или иначе, его с Эдвардом связывает память о бабушке с дедушкой. Их отцы были братьями. Они одна семья. Возможно, узы крови и общие воспоминания помогут им найти компромисс.

С другой стороны, Эдвард не ищет компромиссов. Он сам решает, что ему принадлежит, и ни за что от своего не отступится. Иначе не нанял бы риелтора, чтобы продать дедушкин дом.

Деннис даже не узнал бы, что Эдвард назначил встречу с риелтором для осмотра и оценки здания, если бы ассистентка его ассистентки, или какая там должность у этой девицы, случайно не проговорила, когда он попытался связаться с Эдвардом по телефону. Человек Деннис не вспыльчивый (слишком утомительное занятие — выходить из себя), но тут даже он разозлился. Разозлился настолько, чтобы устроить сцену прямо при риелторе. Ему принадлежит половина недвижимости, как в последнее время называл дедушкин дом Эдвард, и кузен не имеет права продать дом без его письменного согласия.

На мгновение Деннис мысленно перенесся в дедов кабинет — почувствовал его тепло, увидел насыщенные тона отделки, шкафы с книгами, от которых пахло кожаными переплетами, чудесные старые фотографии, очаровательные безделушки... Он вновь ощутил в своей руке высохшую руку деда, когда-то большую и сильную, услышал его дрожащий голос, который еще недавно гремел, точно канонада: «Я оставляю вам не просто дом, не просто жилище, хотя это само по себе немало. У нашего дома своя история, свое место в мире. Я завещаю вам с Эдвардом чтить и продолжать наше наследие».

Так и будет, пообещал себе Деннис, когда такси наконец остановилось. В лучшем случае он просто напомнит Эдварду о воле деда, о возложенной на них ответственности. В худшем — найдет способ выкупить долю кузена. Если для Эдварда дом — всего лишь собственность, всего лишь деньги, то пускай получает свои деньги.

Деннис сильно переплатил таксисту — сознательно, потому что погода стояла собачья. Возможно, именно эта щедрость побудила таксиста опустить окно и прокричать ему вслед,

что он забыл портфель.

— Спасибо! — Деннис бросился обратно к машине. — Голова совсем не о том думает.

Схватив портфель, он осторожно пересек обледеневший тротуар, открыл кованую калитку и зашагал по очищенной от снега и посыпанной песком дорожке — сам платил соседскому пареньку, чтобы тот держал ее в чистоте.

Деннис поднялся на невысокое крыльцо, как поднимался столько раз до того — сначала совсем малышом, затем мальчишкой, юношей и вот наконец пожилым человеком. Он много чего мог забыть — портфель, например, — но код к парадной двери помнил наизусть. Прижал ладонь к сканеру, поднес ключ-карту к считывающему устройству и открыл тяжелую парадную дверь.

Вид перемен острой болью отозвался в сердце. Ни запаха свежих цветов, расставленных в прихожей заботливыми бабушкиными руками, ни старого пса, который когда-то спешил ему навстречу, чтобы поздороваться. Часть мебели, завещанная друзьям и родственникам, стояла теперь в других домах, а часть картин украшала чужие стены.

Что ж, и это наследие.

Хотя Деннис платил домработнице — дочери много лет проработавшей на бабушку с бабушкой Фрэнки — и та убиралась раз в неделю, в воздухе стоял запах заброшенного жилья, смешанный с ароматом лимона.

— Слишком долго, — пробормотал он, ставя портфель на пол. — Слишком долго дом пустовал.

Заслышав голоса, Деннис тут же вспомнил цель своего приезда. Ну конечно, Эдвард с риелтором. Обсуждают, наверное, расположение и рыночную стоимость. И уж точно не думают о том, о чем думает сейчас он: о семейных ужинах за большим столом, о тарталетках с ежевикой, которые мальчишкой таскал с кухни, о том, как солнечным воскресным днем с гордостью представил бабушке с бабушкой свою любимую женщину...

Деннис заставил себя разорвать пелену прошлого и пошел на звук голосов. Растрогать Эдварда уж точно не получится. Он еще раз напомним кузену об обещании, данном человеку, которого они оба когда-то любили, а если не поможет, придется напомнить о требованиях закона.

В крайнем случае всегда можно посулить Эдварду денег.

Как бы там ни было, ему не хотелось подкрадываться незаметно, по-воровски, поэтому он окликнул кузена по имени.

Голоса смолкли. Денниса охватило раздражение. Они что, думают спрятаться? Он продолжал идти в глубь дома, цепляясь за раздражение, словно за оружие. Войдя в ту самую комнату, о которой думал в машине, Деннис увидел Эдварда, сидящего в дедушкином кресле.

Глаза кузена были широко распахнуты — даже тот, под которым темнел свежий синяк. Из уголка губ сочилась тонкая струйка крови, и когда Эдвард попытался заговорить, его зубы окрасились красным.

Потрясенный и взволнованный, Деннис позабыл о раздражении и шагнул к кузену.

— Эдвард!..

Резкая боль обожгла затылок. Не в силах остановить собственное падение, Деннис повалился вперед. Прежде чем удариться виском о старый дубовый паркет и ухнуть в темноту, он еще успел услышать крик Эдварда.

Глава первая

После долгого и утомительного дня (первая половина — в суде, вторая — в кабинете) лейтенант Ева Даллас приготовилась отправиться домой.

Единственное, чего ей хотелось сейчас от жизни, это провести тихий вечер с мужем, котом и бокалом-другим вина. Можно посмотреть фильм, подумала Ева, надевая пальто, если Рорк не взял на дом слишком много документов.

Сама она — ура-ура! — с работой на сегодня покончила.

Пожалуй, список желаний стоит продолжить, решила Ева, выуживая из кармана шарф, который связала ей на Рождество напарница. Можно, скажем, поплавать и заняться любовью в бассейне. Сколько бы контрактов ни предстояло подготовить Рорку, на секс в бассейне его всегда можно уговорить.

Из другого кармана длинного кожаного пальто Ева достала нелепую шапочку со снежинкой и натянула ее на голову, потому что с неба сыпала ледяная крупа. Напарницу Ева отправила домой. Еще несколько детективов мерзли сейчас на холоде — шли по горячему следу. Если она понадобится, они дадут знать.

Ева напомнила себе, что теперь под ее началом работает и новичок — свежееиспеченный детектив, чье посвящение назначено на завтрашнее утро. Но сегодня, в этот отвратительный январский вечер, с делами покончено.

Спагетти с фрикадельками, решила Ева. Вот чего ей хочется. Может, удастся приехать домой раньше Рорка и приготовить ужин? Вино, свечи... прямо у бассейна... Хотя нет, подумала она, выходя из кабинета. Лучше в столовой, как взрослые люди. С зажженным камином. Можно сварганить в автоповаре салат, выбрать парочку дорогих красивых тарелок из огромной коллекции Рорка, и пока за окном стучит и хрустит дождь со снегом, они...

— Ева!

Она обернулась и увидела Шарлотту Миру, штатного психолога отдела и специалиста по психологии преступников, которая почти что соскочила с эскалатора и бросилась к ней. Полы ее бледно-голубого пальто, надетого поверх сочно-розового костюма, развевались.

— Слава богу, вы еще здесь!

— Как раз хотела уехать. А что такое? Что случилось?

— Сама не знаю... Деннис...

Ева невольно дотронулась до шапочки со снежинкой, которую одним ненастным днем в конце 2060-го надел ей на голову всегда такой заботливый Деннис Мира.

— Он ранен?

— Кажется, нет.

Обычно невозмутимая Мира сцепила пальцы в замок, чтобы унять нервно двигающиеся руки.

— Он взволнован, объясняет очень сбивчиво. Его кузен... Деннис говорит, его кузен ранен и пропал без вести. Деннис очень просил, чтобы приехали именно вы. Извините, что взваливаю на вас...

— Ерунда. Он дома?

Ева круто сменила направление и вызвала лифт.

— Нет, у бабушки с дедушкой... то есть в их бывшем доме, в Сохо.

— Вы едете со мной. — Ева провела Миру в лифт, до отказа набитый копами, у которых

кончилась смена. — Я позабочусь, чтобы вы оба вернулись домой. А что за кузен?

— Эдвард. Эдвард Мира. Бывший сенатор Эдвард Мира.

— Я за него не голосовала.

— Я тоже. Мне нужно немного собраться с мыслями и сообщить Деннису, что мы едем. Пока Мира говорила по телефону, Ева тоже решила собраться с мыслями.

В политике она разбиралась слабо, но о сенаторе Эдварде Мире смутное представление все-таки имела. Кто бы мог подумать, что напыщенный бескомпромиссный сенатор — резкие темные брови, коротко стриженные черные волосы, красивое жесткое лицо — принадлежит к той же семье, что и мягкий, несколько рассеянный Деннис?

Вот уж действительно — родню не выбирают...

Лифт опустил в гараж, и Ева направилась к ничем не примечательной с виду машине, которую спроектировал для нее муж. Мира семенила следом. Ева, длинноногая, в ботинках без каблука, двигалась быстро. Она скользнула за руль — высокая худощавая женщина с неровно обрезанными каштановыми волосами, скрытыми под синей вязаной шапочкой с эмблемой в виде сверкающей снежинки. Шапочку эту Ева, коп до мозга костей, носила только потому, что получила ее в подарок от человека, который давно уже был предметом ее невольной и невинной влюбленности.

— Адрес? — спросила она, когда Мира, одетая в элегантное зимнее пальто и модные сапожки, забралась на соседнее сиденье.

Ева забила адрес в навигатор, вывела машину со стоянки и на всей скорости вылетела из гаража, врубив сирену и мигалку.

— Ой, не нужно было... — начала Мира, однако Ева коротко глянула на нее, и та сказала только: — Спасибо. Деннис говорит, что с ним все в порядке. Просит не волноваться, но...

— Но вы все равно волнуетесь.

С виду автомобиль напоминал невзрачную легковушку экономкласса, зато мчался как ракета. Ева круто огибала машины, владельцы которых считали полицейскую сирену всего лишь ненавязчивой просьбой, а через иные попросту перемахивала, нажимая на педаль вертикального взлета, так что Мира зажмурировала глаза от страха.

— Рассказывайте. Вы знаете, что Деннис с Эдвардом делали в доме деда? И кто еще мог там быть?

— Бабушка Денниса умерла года четыре назад, и Брэдли — так звали дедушку — просто истаял на глазах. Он пережил жену всего на год — успел привести дела в порядок. Хотя, насколько я знаю Брэдли, они и так были в образцовом порядке. Дед завещал дом Деннису с Эдвардом — двум старшим внукам. Осторожно, автобус...

Ева рванула руль, послав машину вертикально вверх, и круто завернула за угол, словно в погоне за серийным убийцей.

— Продолжайте.

— У Денниса с Эдвардом разногласия насчет наследства. Деннис хочет, чтобы дом остался в семье, как завещал Брэдли. Эдвард намерен его продать.

— Насколько я понимаю, он не имеет права продать дом без письменного согласия мистера Миры.

— Именно. Не знаю, зачем Деннис поехал туда сегодня. Он и так провел целый день в университете: заболел какой-то профессор, и Деннис его замещает. Надо было спросить...

— Ничего. — Ева припарковала машину во втором ряду, и тихая, обсаженная деревьями улица тут же огласилась возмущенным завыванием клаксонов. Не обращая на них внимания,

она включила световой сигнал «На дежурстве». — Сейчас спросим.

Но Мира уже выскочила из машины и бежала на своих неустойчивых каблучках по скользкому асфальту. Чертыхаясь, Ева догнала ее и схватила за руку.

— Будете бегать на шпильках — придется везти вас в травмпункт. Милое местечко. — Они прошли в калитку и ступили на расчищенную дорожку, поэтому Ева выпустила руку Мира. — В этом районе, пожалуй, такой домик стоит миллионов пять-шесть.

— Пожалуй. Деннис наверняка знает.

— М-да?..

Взбегая по ступенькам, Мира слабо улыбнулась.

— Когда речь идет о важных вопросах, он всегда знает. А это важный вопрос. Забыла код...

Она нажала кнопку звонка, застучала дверным молотком.

Когда Деннис — растрепанные седые волосы, мешковатый ярко-зеленый кардиган — открыл дверь, Мира схватила его за руки.

— Деннис! Ты все-таки ранен! Почему не сказал? — Она взяла мужа за подбородок и принялась изучать кровоточащую ссадину на виске. — Специально повернулся боком, чтобы я ничего не увидела, когда звонила.

— Ну-ну, Чарли, все хорошо. Просто не хотел тебя расстраивать. Входите, хватит стоять на морозе. Ева, спасибо, что приехали. Я боюсь за Эдварда. Обыскал весь дом...

— Так он был здесь? — спросила Ева.

— Да, был. В кабинете, избитый. Сейчас покажу вам кабинет.

Когда он повернулся спиной, Мира вскрикнула от жалости и негодования.

— Деннис, у тебя же кровь на затылке! — Она дотронулась до уха, и мистер Мира резко втянул воздух сквозь сжатые зубы. — Марш в гостиную! Живо!

— Чарли, а как же Эдвард?..

— Предоставь Эдварда Еве.

Мира потащила мужа в просторную гостиную. Было непонятно, обставлена она в радикально минималистском стиле или часть мебели просто вывезли. То, что осталось, выглядело несколько потрепано и очень уютно.

Мира стянула пальто, небрежно бросила на диван и принялась рыться в своей огромной сумке. Когда она извлекла оттуда аптечку первой помощи, Ева наконец-то поняла, почему многие женщины заводят сумки размером с буйвола.

— Сейчас промою тебе ссадины и попрошу Еву отвезти нас в ближайший травмпункт, чтобы сделать рентген.

— Милая... — Когда Мира промокнула рану дезинфицирующей салфеткой, Деннис опять с шумом втянул воздух, но тут же ласково похлопал жену по ноге. — Зачем мне рентген и другие доктора, когда у меня есть ты? Подумаешь, шишка на затылке! Да и в голове у меня не больший туман, чем обычно.

Мира рассмеялась, и Деннис улыбнулся — лукаво и добродушно.

— В глазах не двоится, не тошнит, голова не кружится, — заверил он жену. — Разве что немного побаливает.

— Когда вернемся домой и я устрою тебе полный осмотр...

Деннис приподнял брови и многозначительно ухмыльнулся.

— Деннис... — Мира вздохнула, прижала ладони к его щекам и поцеловала в губы — с такой нежностью, что Ева невольно отвела глаза.

— Как найти кабинет, где вы в последний раз видели кузена? — спросила она.

— Я вас провожу.

— Сиди смиренно и будь паинькой, пока я не закончу, — велела Мира и добавила, обращаясь к Еве: — Прямо по коридору, затем налево. Стены отделаны деревом, большой стол с креслом, на полках — книги в кожаных переплетах.

— Разберусь.

Во многих комнатах мебели и картин явно недоставало. В одной вообще не было ничего, кроме груды коробок. Но нигде ни пылинки, а в воздухе — легкий аромат лимона, словно кто-то раздавил горсть лимонных цветов.

Ева отыскивала кабинет и тут же поняла, что отсюда ничего — или почти ничего — не вывезли. Здесь царили уют и порядок. Тяжелые деревянные панели, добротная мебель, глубокие тона. Травянисто-зеленый и бордо, отметила она про себя, внимательно оглядывая комнату с порога. Семейные фотографии в черных и серебряных рамках, до блеска отполированные наградные таблички разных благотворительных организаций. На столе — бухгалтерская книга в темно-коричневом кожаном переплете, письменный прибор того же цвета и небольшой, но стильный коммуникационный центр. Возле камина с массивной полкой — маленький, старинный, явно очень дорогой бар. На баре — два хрустальных графина, до половины наполненные янтарной жидкостью и украшенные серебристыми этикетками с надписями «Виски» и «Бренди».

С паркета Ева ступила на ковер — судя по слегка выцветшему узору, такой же старинный и ценный, как бар, хрусталь и карманные часы, выставленные под стеклянным колпаком. Ни следов борьбы, ни признаков кражи. Однако, присев на корточки, у самого края ковра — там, где бахрома касалась паркета, — она обнаружила несколько капель крови.

Ева медленно и осторожно обошла комнату кругом, ни до чего не дотрагиваясь. Кажется, дело начинало проясняться...

Она подошла к дверям гостиной, где Мира умело смазывала мазью висок мужа.

— Не ходите туда пока, — предупредила Ева. — Я к машине — за полевым набором.

— На улице такой холод! Давайте принесу.

— Не нужно, — поспешно ответила Ева, когда Деннис сделал движение встать. — Я мигом.

Она выбежала под ледяной дождь, достала из багажника набор. По пути назад внимательно оглядела соседние дома, потом выудила из кармана телефон и написала Рорку сообщение:

«Задерживаюсь. Объясню, когда приеду».

Надо соблюдать правила супружеской жизни.

Вернувшись в дом, Ева поставила чемоданчик с полевым набором и сняла пальто, шапку и шарф.

— Так, давайте по порядку. Вы пытались связаться с кузеном?

— Да, первым делом. Мобильный не отвечает. Позвонил домой — трубку взяла жена. Я не хотел ее пугать, поэтому объяснять ничего не стал. Она сказала, что дома Эдварда нет и вернется он, скорее всего, поздно. Возможно, жена не знает, что у него здесь назначена встреча. А если и знает, то мне уж точно не сообщит.

— Какая встреча?

— Ох, простите. Я же толком ничего не объяснил. — Деннис взглянул на Миру со своей обычной рассеянной улыбкой. — Утром я пробовал связаться с Эдвардом — хотел

встретиться и обсудить наши разногласия насчет дома. Разговаривала со мной ассистентка, у которой, похоже, выдался тяжелый день. Иначе она бы вряд ли проболталась, что у Эдварда назначена встреча с риелтором для оценки дома. Я рассердился. Как можно предпринимать такой шаг у меня за спиной?

Ева кивнула и достала баллончик с изолирующим составом.

— В общем, вас это здорово взбесило.

— Ева!.. — начала Мира, но Деннис хлопнул ее по руке.

— Будем называть вещи своими именами, Чарли. Я действительно разозлился. На звонки Эдвард не отвечал, поэтому после занятий я поехал прямо сюда. На дорогах черт-те что. Надо что-то с этим делать.

— Полностью согласна. А когда именно вы приехали?

— Ох, даже не знаю. Дайте подумать... Лекция закончилась где-то в полпятого. Пока ответил на вопросы студентов, пока собрал бумаги... С работы ушел, наверное, часов в пять. Плюс время на дорогу... — Деннис улыбнулся доброй рассеянной улыбкой, но в его задумчивых зеленых глазах мелькнула тревога. — В общем, даже не знаю...

— Сойдет и так, — заверила Ева, чтобы его успокоить. — На доме охранный система. Она была включена, когда вы приехали?

— Да. У меня есть код и ключ-карта. Отпечаток моей ладони внесен в систему.

— На двери камера.

— А ведь и правда! — Мысль эта Денниса явно обрадовала. — Она сняла мой приход — и Эдварда тоже! Надо же, а мне как-то в голову не пришло...

— Прежде всего давайте посмотрим записи. Вы знаете, где станция наблюдения?

— Конечно. Я вас провожу. Мне как-то в голову не пришло... — повторил он, вставая с дивана. — А надо-то было всего лишь просмотреть запись — сразу бы увидел, как ушел Эдвард. Ева, вы прямо камень с души у меня сняли.

— Мистер Мира, на вас напали.

Деннис остановился и растерянно моргнул.

— Пожалуй, вы правы. Досадное происшествие. И кто бы мог это сделать?

— Давайте попробуем выяснить.

Они прошли по коридору, завернули за угол и оказались на просторной современной кухне с несколькими старомодными штрихами в отделке, прекрасно вписывающимися в общий стиль особняка. Выглядело... уютно. А еще чем-то напоминало собственный дом супругов Мира.

— В доме несколько наблюдательных пунктов, — пояснил Деннис, открывая дверь в стене, — чтобы бабушка с дедушкой и прислуга могли видеть, кто звонит в дверь. Но главный узел здесь.

Он растерянно огляделся по сторонам.

— Боюсь, я не слишком-то разбираюсь в электронике...

— Я тоже. — Однако где должна находиться вся начинка, Ева знала. — Похоже, кто-то забрал жесткий диск, или как там называется эта штука. Записи тоже.

— Боже мой...

— У кого еще есть доступ в дом?

— Кроме нас с Эдвардом? У домработницы. Ее мать проработала у бабушки с дедушкой не один десяток лет, да и сама она помогает нам уже не первый год. Она бы никогда...

— Ясно. Но мне в любом случае понадобится ее имя — хочу с ней поговорить.

— Можно я заварю чай? — спросила Мира.

— Конечно. Мистер Мира, не могли бы вы в точности описать все, что произошло? Таксист высадил вас у дома?

— Да, у самого дома. Я забыл на сиденье портфель — надо же быть таким рассеянным! — но таксист меня окликнул. Я был зол и расстроен. Открыл дверь, вошел в прихожую. Всегда приезжаю сюда со смешанными чувствами: и хочется, и колется. С этим домом связано много добрых воспоминаний. И в то же время тяжело сознавать, что он никогда уже не будет прежним. Я поставил портфель и тут услышал голоса.

— Несколько голосов? — уточнила Ева.

— Кажется, да. Я решил, что это Эдвард с риелтором. Позвал его по имени — не хотел застать их врасплох. Направился в глубь дома, а когда вошел в кабинет, увидел Эдварда в дедушкином кресле. Кровь, подбитый глаз... Вид у него был напуганный. Я шагнул к нему, и тут меня, видимо, ударили по голове. Со мной такое впервые.

— И вы потеряли сознание.

— Судя по ушибам, его ударили тяжелым предметом по затылку. — Мира вернулась с большой кружкой чая и вложила ее Деннису в руки. — Затем он упал и стукнулся правым виском об пол.

— Доктор Мира, я верю ему на слово.

— Знаю. — Она вздохнула и нежно поцеловала мужа в ушибленный висок. — Знаю.

— Что вы сделали, когда пришли в себя?

— Я был оглушен и сбит с толку. Эдвард исчез. Мы давно уже не ладим, но он никогда бы не бросил меня на полу без сознания. Кажется, я звал его по имени. Потом начал искать. Боюсь, я какое-то время бродил по дому, пока совсем не пришел в себя и не понял: произошло что-то ужасное. Тогда я позвонил Шарлотте, чтобы не волновалась, и спросил, не смогли бы вы приехать и разобраться.

Он так посмотрел на Еву своими мягкими задумчивыми глазами, что ей тоже захотелось поцеловать его в висок.

— Надо было просто позвонить девять-один-один, а не беспокоить вас.

— Пустяки. Готовы вы осмотреть кабинет? Проверить, не пропало ли что и все ли на своих местах?

— Буду рад помочь.

По пути к кабинету Ева обработала изолирующим составом руки и ноги.

— Постарайтесь ничего не трогать. Вы уже были в кабинете и других комнатах, так что изолировать вас нет смысла, но множить отпечатки тоже не стоит. — Она остановилась на пороге. — Итак, ваш кузен сидел в кресле. За столом.

— Да... то есть нет. Кресло стояло перед столом. — Деннис наморщил лоб. — Почему бы это?.. Да, он сидел в кресле, но кресло было перед столом. На ковре.

— Ясно. — Его слова совпадали с ее собственными наблюдениями. — Подождите минутку.

Ева достала из чемоданчика все необходимое. Присела на корточки, взяла образец крови с паркета и заизолировала. Затем тщательно прошлась тампоном по краю ковра. Капнула на тампон жидкостью из небольшой бутылочки и кивнула.

— Кровь. Ковер почистили, но обычным моющим средством всего не отмоешь.

Ева наклонилась и принялась.

— Запах остался.

Затем надела очки-микроскопы.

— Следы тоже. А еще ворс ковра слегка примят — видно, где кресло выкатили из-за стола и задвинули обратно, где оно стояло, придавленное тяжелым грузом.

— Весом Эдварда.

— Похоже на то. Еще минуту.

Ева обогнула стол и начала дюйм за дюймом осматривать кресло.

— Тут тоже немного упустили.

Она осторожно взяла тампоном образец крови, оставив чуть-чуть для чистильщиков.

— Ваш кузен был связан?

Деннис прикрыл глаза.

— По-моему, нет. Не уверен. Простите... Я был так потрясен...

— Ничего страшного. Итак, Эдварда избили, усадили в кресло посреди комнаты. Запугали чем-то, чтобы сидел смирно. Шокером или ножом — в общем, каким-то оружием. А может, пригрозили еще раз избить.

Ева снова обошла комнату кругом.

— Голоса. Значит, они разговаривали. Скорее всего, пытались от него чего-то добиться. Но прежде чем преступники успевают получить желаемое или закончить с Эдвардом, появляется вы. Зовете кузена по имени. Это дает им время окончательно запугать Эдварда, чтобы помалкивал, и спрятаться. К вам они шокер не применяют — если, конечно, он у них есть. Шокер срабатывает не сразу: существует опасность, что вы увидите преступника, прежде чем потеряете сознание. Поэтому вас бьют сзади по голове. Но не приканчивают и не забирают с собой. Вы для них просто помеха и важности не представляете. Затем они стирают следы крови и задвигают кресло за стол. Зачем?

— Поразительно! Целая наука, целое искусство...

— Что?

— Ваше ремесло — одновременно и наука, и искусство. Способность к наблюдению доведена до совершенства. Хотя, скорее всего, талант у вас врожденный. Простите, я отвлекся, — улыбнулся Деннис. — Вы спросили, зачем. Если преступники знают Эдварда, возможно, знают и меня. Некоторые могли бы подумать, что я по рассеянности упал и ударился головой, а остальное мне просто привиделось.

— Эти ваши «некоторые» просто умом не вышли. — Ответ Евы вызвал у Денниса улыбку. — Видите вы какие-нибудь лишние предметы? Или, может, что-нибудь стоит не на своем месте?

— Мы сохранили кабинет почти в том же виде, что при дедушке. Кое-что завещано мне, нашим детям и прочим наследникам, но мы договорились оставить пока все как есть. Вещи на месте. По-моему, ничего не пропало и не переставлено.

— Спасибо. Итак, вы подошли к двери, увидели Эдварда. На мгновение замерли — естественная реакция. Вы полностью сосредоточены на кузене и бросаетесь ему на помощь.

Ева подошла к двери, замерла, сделала быстрый шаг вперед и осмотрела полки. Сняла с одной до блеска отполированную каменную чашу, нахмурилась и поставила на место. Взвесила в руке наградную табличку — тоже не то. Затем взяла за поднятый хобот большого стеклянного слона в ярких голубых и зеленых тонах. Тяжелый. И в руке как влитой.

— Доктор Мира!

Мира подошла и тоже осмотрела слона.

— Да-да. Рана на затылке нанесена ногами статуи.

Пока Ева брала очередную пробу, Мира повернулась к мужу:

— Никогда — клянусь! — никогда в жизни не буду жаловаться на твою твердоголовость.

— Слона вытерли, но немного крови все-таки осталось. Нападающий делает шаг в сторону от двери. Ему на глаза попадается слон — удобный, тяжелый. Входите вы. Бац! И вы без сознания. Он, она или они — скорее всего, они: один занимается Эдвардом, другой — вами и заметанием следов. Находит где-то средство для чистки ковров или что-то в этом роде, наводит порядок, прихватывает жесткий диск и записи. Эдварда забирают с собой, вас оставляют. Надо обыскать дом — убедиться, что его не засунули в шкаф... Извините, — поспешно добавила Ева.

— Не извиняйтесь.

— Я вызову чистильщиков — пусть все осмотрят. Могу позвонить в отдел по розыску пропавших без вести, чтобы ускорить процесс.

— Не могли бы вы...

— ...сами заняться этим делом? — закончила за мужа Мира, беря его за руку. — Нам обоим было бы спокойнее.

— Конечно, я все устрою. Присядьте пока в гостиной, а я сделаю пару звонков.

Ева упаковала слона, вызвала криминалистов и нескольких рядовых полицейских, чтобы опросили соседей.

Кто-то вошел в дом, скорее всего, по приглашению самого Эдварда Мира — надо будет обязательно побеседовать с риелтором, — а затем вышел из дома и либо унес с собой тело, либо вывел Эдварда силой. Значит, у преступников была машина.

Не ограбление, решила Ева. И не обычное похищение, иначе зачем избивать? Судя по креслу в центре комнаты, жертву допрашивали. Кому-то что-то нужно от Эдварда. Скорее всего, его не станут убивать, пока не добьются желаемого.

Ева вернулась в гостиную. Супруги Мира включили электрокамин и сидели на диване, прихлебывая чай. Ева села на журнальный столик напротив, чтобы смотреть прямо на них.

— Мне нужны сведения о риелторе — имя, номер телефона.

— К сожалению, не могу помочь. Ассистентка имени не называла, а сам я был слишком расстроен и не спросил.

— Ладно, узнаю у вашего кузена в офисе. Где его офис?

— Эдвард ушел из конгресса и основал научно-исследовательский центр, — сказала Мира. — Его офис находится в Крайслер-билдинг — в штаб-квартире центра.

— Элитная недвижимость.

— Эдвард придает большое значение статусу, — пояснил Деннис. — Его организация, Институт Мира, занимает два этажа и владеет квартирой в Ист-Вашингтоне на тот случай, когда он сам или еще кто-нибудь из руководства отправляется туда по делам.

— Этот адрес мне тоже понадобится. А также домашний. Хочу поговорить с его женой, когда здесь закончу. Какие у них отношения?

Деннис поглядел на жену и вздохнул.

— Я отвечу, — сказала Мира. — Мэнди — реалистка. Жизнь, которую она ведет, ее более чем устраивает. Мэнди блистала во время предвыборной кампании Эдварда, а теперь блистает на вечерах по сбору средств и заседаниях комитетов. Что же до постоянных измен мужа... Мэнди относится к ним как к неотъемлемой части целого, притом не особенно важной, поскольку он своих походов не афиширует. Она тоже ведет себя деликатно и втайне пользуется услугами лицензированного компаньона. У Мэнди с Эдвардом сын и дочь.

Оба, разумеется, уже взрослые. На публике изображают любящих детей, на самом деле не испытывают симпатии ни к родителям, ни к их образу жизни.

— Все мы такие разные... — пробормотал Деннис.

— Я понимаю, — ответила Мира. — Мое профессиональное мнение таково: Мэнди ни за что не станет пилить сук, на котором сидит. Она бы никогда не причинила Эдварду вреда. По-своему она к нему даже привязана. Что же до Эдварда, он благодарен жене за вклад в его карьеру и гордится ее положением в обществе.

— Наверняка у него много врагов.

— Десятки. На политической почве, как понимаете.

— А на личной?

— Эдвард умеет очаровывать — он же политик. Однако считает себя правым в любом вопросе — и политическом, и личном, — а такая позиция всегда вызывает недовольство. Взять хотя бы этот дом. Эдвард решил, что дом нужно продать, поэтому для него он все равно что продан.

— Он ошибается, — тихо произнес Деннис. — Дом не будет продан. Но это к делу не относится. Эдварда избили и похитили, не потребовав выкупа. Вы ведь ничего не упоминали о выкупе?

— Об этом я спрошу у его жены, — ответила Ева. — Мистер Мира, хочу, чтобы вы знали: я верю каждому вашему слову, и у меня даже в мыслях нет, что вы способны причинить вред своему кузену или кому-то другому.

— Спасибо, Ева.

— И все же я обязана спросить то, что сейчас спрошу, иначе не выполню свою работу. А если я не выполню свою работу, то не смогу вам помочь.

— Понимаю. Вы хотите спросить, когда я в последний раз видел Эдварда и какие у нас отношения. Если для меня так важен дом, я мог нанять кого-нибудь, чтобы его запугать. — Деннис кивнул и отставил кружку с чаем. — Мы виделись на праздниках. Больше для проформы, как ни грустно. Эдвард пригласил нас с Шарлоттой на прием. Когда это было, Чарли?

— Двадцать второго декабря. Мы пробыли там не больше часа, потому что Эдвард пытался заставить Денниса продать дом.

— Я не хотел спорить, поэтому мы ушли рано. В первых числах нового года Эдвард прислал мне электронное письмо, где снова изложил свои мотивы и план действий.

— Мне ты не рассказывал.

— Ты бы опять на него рассердилась. — Деннис взял жену за руку. — К тому же в письме не было ничего нового. Не люблю тащить этот сор в семью. Я коротко объяснил, что несогласен и собираюсь сдержать данное дедушке обещание. Эдвард ответил тут же, и я понял, что он очень зол. Обычно Эдвард выжидает несколько дней, словно у него нет времени заниматься всякими пустяками, однако на сей раз ответил немедленно. Написал, что даст мне время подумать. Пригрозил обратиться в суд, если я и дальше буду излишне сентиментален. А еще... заявил, будто никакого обещания не было, просто я, как обычно, все перепутал.

— Да пошел он к черту!

— Чарли!..

— Бессердечный мерзавец! — От ярости лицо у Миры покраснелось, глаза засверкали. — Ева, если ищете человека, которому хотелось бы избить Эдварда, то вот он,

перед вами.

— Хватит, доктор Мира, — спокойно прервала Ева. — Я поручу электронщикам получить доступ к этой переписке. Больше вы друг другу не писали?

— Нет. Отвечать я не стал. Писать такое жестоко. К тому же это неправда. Мы оба обещали деду не продавать дом. — Печальная растерянность Денниса была так же очевидна, как яростное негодование Миры. — Я позвонил Эдварду только сегодня, но он не взял трубку.

— Ясно. — Ева не удержалась и дотронулась до его колена. — Если речь идет о чем-то важном, вы никогда ничего не путаете. Я разберусь, что произошло. Обещаю.

Когда в дверь позвонили, Ева ощутила прилив благодарности.

— Это ко мне. Первым делом поручу чистильщикам осмотреть кабинет, а сама обыщу дом. Пара копов опросит соседей — не видели ли чего. И попрошу кого-нибудь из ребят отвезти вас домой. — Ева протянула Деннису мобильный. — Не могли бы вы записать имена и адреса, о которых я спрашивала?

— Пусть лучше Чарли. Я не силен в электронике.

— Я тоже. — Ева отдала телефон Мире. — Все будет хорошо.

Деннис поднялся с дивана.

— Вы такая умная женщина... такая добрая девочка, — добавил он к полной растерянности Евы и нежно поцеловал ее в щеку. — Спасибо.

От короткой щетины, которую он, должно быть, упустил во время бритья, на щеке осталось ощущение легкой щекотки. Ева пошла открывать дверь, а щекочущее чувство тем временем проникло ей в самое сердце.

Глава вторая

Ева проводила супругов Мира до машины, пообщалась с чистильщиками и решила обыскать дом, начиная с верхнего этажа. Однако, поднимаясь по лестнице, внезапно остановилась, села на ступеньку...

И позвонила Рорку.

— Извини, — первым делом сказала она.

— Не извиняйся.

На экране появилось лицо Рорка. Боже... При виде его лица Еве всякий раз представлялось, что боги, ангелы, поэты и художники собрались однажды вместе, чтобы создать нечто совершенное. Красиво очерченный рот, пронзительно, невозможно голубые глаза, точеные скулы, и все это в обрамлении шелковистых черных волос...

— Новое дело?

Совершенный образ довершался голосом с легким ирландским акцентом.

— Вроде того. Трупа нет — по крайней мере, пока, — так что дело необычное. На Денниса Миру напали.

— Что?! — Предназначенная ей одной улыбка померкла. — Деннис ранен? В какой он больнице? Сейчас приеду.

— С ним все в порядке. Только что отправила их с Мирой домой. Деннис получил довольно увесистый удар по голове, упал и ударился виском. Возможно, у него небольшое сотрясение мозга, но у Миры все под контролем.

— Где ты сейчас?

— В доме, которым владеет дед мистера Миры. Вернее, когда-то владел. Сейчас дом наполовину принадлежит Деннису, наполовину — его кузену, бывшему сенатору Эдварду Мире. На кузена тоже напали — пока он числится пропавшим без вести. Нужно обыскать дом — вдруг тело спрятано где-нибудь в шкафу, — а потом кое-куда заехать и поговорить. Так что даже не знаю, когда...

— Дай мне адрес.

— Рорк, это в Сохо. Не за чем тащиться сюда в такую погоду.

— Либо ты дашь мне адрес, либо я сам его найду. В любом случае выезжаю.

Она дала ему адрес.

Ева успела обыскать верхний этаж — оба крыла, — когда приехал Рорк. При виде мужа с термосом горячего кофе в руках на душе у нее сразу повеселело.

— Я собиралась приготовить ужин.

Его чудесные губы сложились в улыбку, затем легко коснулись ее губ.

— Правда?

— Честное слово! На работе все тихо, так что я хотела поехать домой. Надеялась вернуться первой и накрыть стол в столовой — свечи, вино, спагетти...

— Эта мысль греет мне душу.

— Мира меня перехватила. Никогда не видела ее в таком состоянии. Мистер Мира позвонил ей, когда пришел в себя — его вырубил ударом по голове, — и попросил, чтобы я тоже приехала.

— Естественно, он умный человек.

— Я введу тебя в курс дела, пока ищу труп возможно убиенного Эдварда, но сперва

скажи-ка, господин владелец всей планеты вместе со спутниками, если бы ты решил купить этот дом, сколько бы за него дал?

— Я видел только часть здания, но, судя по всему, оно хорошо сохранилось. Построили его, наверное, в тридцатых годах XX века. Площадь — около шести тысяч квадратных футов. Район отличный. Предложил бы за него около десяти. А если бы продавал, запросил бы все пятнадцать.

— Миллионов?

— Да, миллионов.

— Это ж целое состояние!

— Дом тебе нравится? Деннис хочет его продать?

— Нет... То есть дом, конечно, чудесный, но у нас уже есть один. Одного мне вполне хватает. К тому же Деннис не хочет его продавать — в этом весь сыр-бор.

Продолжая обыск, Ева ввела Рорка в курс дела. Она знала: он не упускает ни малейшей подробности, даже когда останавливается посмотреть на антикварную мебель, резьбу по дереву или медальон на потолке.

— Пожалуй, я мог бы срубить на нем все двадцать, — задумчиво произнес Рорк, — если бы нашел подходящего покупателя и умело разыграл карту. Однако вернемся к делу. Этот сенатор просто мерзавец — по крайней мере, на мой взгляд.

— На мой тоже — судя по тому, что рассказала Мира и о чем умолчал Деннис. И все же неплохо бы найти его живым.

— Согласен.

Они прошли в кабинет, где теперь пахло химией и пылью.

— Я немного знал Брэдли Миру.

— Рассказывай.

— Совсем немного, — уточнил Рорк, — в основном заочно. У многих он вызывал уважение и восхищение. Ты уже собрала на него досье?

— Нет. Непосредственно к делу он отношения не имеет.

— Брэдли Мира был окружным прокурором Нью-Йорка — задолго до твоего и моего рождения. Кажется, получил наследство, а позже и сам сколотил состояние. Потом стал судьей. На пенсию ушел более десяти лет назад — скорее даже лет двадцать тому назад, если память не изменяет. Остаток жизни посвятил добрым делам, о чем свидетельствуют все эти наградные таблички. Достойный восхищения человек, который, по общему мнению, прожил честную и плодотворную жизнь.

— Мистер Мира его любил — невооруженным глазом видно. Значит, двадцать миллионов?

Рорк обвел комнату оценивающим взглядом.

— Если найти подходящего покупателя, то да.

— Даже половина такой суммы — отличный стимул его найти. Нужно допросить этого риелтора. А значит, придется отыскать человека, который назначил ему встречу с Эдвардом. Но прежде всего хочу поговорить с домработницей и женой сенатора. Сначала домработница, потом жена.

— Я веду машину, ты собираешь досье?

— Отличный план. Только сначала проверю, что дал опрос соседей.

Оказалось, что уборщица с мужем живут на втором этаже бывшего одноквартирного дома всего в нескольких кварталах от места преступления. Женаты двадцать семь лет. У нее

— своя клининговая компания «Горничная на заказ», у него — фирма «Мастера на все руки», предлагающая разные мелкие услуги. Двое детей, оба работают в компаниях родителей. Трое внуков.

— Все здание принадлежит им. — Ева кивнула на белый кирпичный дом, у которого Рорк остановил машину. — На первом этаже работают, на втором — живут.

Она нажала кнопку домофона.

— Да? — отрывисто и нетерпеливо произнес женский голос.

— Полиция Нью-Йорка. Нам необходимо поговорить с вами, миссис Робартс.

— Это еще зачем? Ну-ка, покажите удостоверение. Поднесите к камере.

Ева предъявила значок.

— Что случилось? Кто-то из детей попал в беду?

— Нет, мэм. Просто нужно с вами поговорить. Ваше имя и адрес нам предоставил Деннис Мира.

— Мистер Деннис? С ним все в порядке? Что, собственно... А, черт...

Сила Робартс оборвала себя на полуслове и впустила их в дом.

Первый этаж был разделен пополам коридором. По одну руку находился офис «Горничной на заказ», по другую — «Мастера на все руки». На двери в конце коридора висела табличка «Посторонним вход воспрещен». Пройдя в нее, они поднялись на второй этаж и оказались перед двумя двустворчатыми дверями. Одна из них резко распахнулась им навстречу.

— С мистером Деннисом точно все в порядке? И кто вы, собственно?

— Полиция Нью-Йорка, — повторила Ева и еще раз показала значок. — Лейтенант Даллас.

— Даллас?... Даллас?!

У Силы Робартс были огромные глаза цвета горького шоколада и волосы почти того же оттенка, собранные в узел на макушке. При упоминании Евиной фамилии глаза у нее стали еще огромнее.

— Рорк? Даллас? Я ведь смотрела кино и книгу тоже слушала. Ох, господи помилуй... Мел! Мел! Скорее сюда! С Мирами что-то случилось!

— Успокойтесь, миссис Робартс. С Мирами все в порядке.

— Вы же из отдела по расследованию убийств! — сердито крикнула Сила, дергая себя за ворот рубашки, на которой красовался логотип ее компании. — Работаете с мисс Шарлоттой. Думаете, я не знаю?

Послышались тяжелые шаги, и в комнату вбежал высокий грузный мужчина.

— Что с Мирами? Несчастный случай?

— Убиты!

— Что-что? — Здоровяк схватил жену за плечи и приготовился тоже завывать. — Боже мой, боже мой!.. Как?..

— Тише! — рявкнула Ева. — С супругами Мира все в порядке. Сидят себе ужинают. Возможно, попивают вино. Так что успокойтесь и сядьте, черт побери!

Из огромных глаз хозяйки катились слезы.

— С ними точно ничего не случилось? Клянетесь?

— Готова письменно принести клятву и расписаться собственной кровью, если это прекратит всеобщую истерику.

— Извините. — Сила утерла мокрые щеки. — Извини, Мел.

— Сила, что вообще происходит?

— Это Даллас и Рорк.

— Даллас и?... Кто-нибудь умер?

— Кто-нибудь умирает каждый день, — заметила Ева, — но Деннис и Шарлотта Мира живы и здоровы.

— Просто я испугалась. — Сила шмыгнула носом. — Страх как испугалась. Они нам как родные.

— Мне тоже.

— Мистер Деннис о вас обоих очень высокого мнения. Он заглянул как-то в большой дом, когда я прибиралась и слушала книгу о деле Айконов. Я спросила, не знаком ли он с вами — вы же работаете с мисс Шарлоттой. Мистер Деннис ответил, что знаком и что вы добрые и отзывчивые люди. А еще смелые. Обожаю этого человека.

— Ясно. — В этом Ева была с ней солидарна. — С ним все хорошо.

— Сейчас принесу тебе вина, — сказал жене Мел. — Могу и вам принести.

— Спасибо, но я на дежурстве.

— А я нет, — весело сказал Рорк, — и с удовольствием выпью.

— Могу принести вам чего-нибудь другого, мисс Даллас. Кофе, чаю. Еще есть пепси.

— Пепси?! — Все еще влажные глаза Силы сощурились. — Мелвилл Робартс, ты обещал завязать!

Здоровяк пристыженно ссутулил плечи, словно мальчишка, застигнутый за кражей печенья.

— Ну, вдруг где-нибудь завалилась банка-другая?

— Давайте пепси, — сказала Ева, чтобы закрыть эту тему. — И обращайтесь ко мне «лейтенант». Вы работаете на Денниса Миру, убираетесь в доме его деда?

— Да, все верно. Давайте сядем — так и правда лучше.

Проведя их в квартиру, где было уютно и так чисто, что вся мебель чуть ли не сверкала, Сила опустила в ярко-синее кресло с высокой спинкой.

— Сколько себя помню, мама всегда убиралась у судьи Миры и мисс Гвен. Когда я подросла, то стала ей помогать. Мисс Гвен умерла внезапно. Судья очень тосковал и пережил ее всего на несколько месяцев. Маме до сих пор их не хватает, да и мне тоже.

— И мне, — вставил Мел, вернувшись с подносом, на котором стояло три бокала с вином и один с пепси. — Я выполнял для них разные мелкие поручения, так и познакомился с Силой — нам обоим было тогда по шестнадцать. Что-то случилось, мисс... лейтенант Даллас?

— Случилось. Мистер Мира не пострадал, но сегодня в доме деда на него было совершено нападение.

— Нападение? В доме деда? — Темные глаза Силы вновь сузились. — Сенатор распустил руки, да? Не смог уговорами, так пустил вход кулаки. Сенатор Эдвард Мира. Кузен мистера Миры, хотя так сразу и не скажешь, что они родственники. Непохожи, как сухое и мокрое.

— Почему вы считаете, что Эдвард Мира мог напасть на собственного кузена?

— Потому что этот человек хочет, чтобы всегда выходило так, как ему нужно. Всеми пытается вертеть, и всегда такой был. Не особо-то я высокого мнения о нем и о его заносчивой женушке. А вот дети у них чудные, ничего не скажешь. Славные люди. Ну а внуки вообще лапочки. Арестовали вы сенатора?

— Нет. Эдвард Мира ни на кого не нападал. На него самого напали. Сейчас он числится пропавшим без вести.

— Не понимаю...

— Мистер Мира случайно стал свидетелем нападения. Его ударили по голове, а когда он пришел в себя, ни Эдварда Миры, ни нападавших в доме уже не было.

Сила хлебнула вина и с шумом выдохнула.

— Зря я про него такого наговорила. Их что, пытались обокрасть? В доме отличная охранная система. Никогда не боялась оставаться там одна или вместе с мамой и дочкой.

— Когда вы были там в последний раз?

— Сегодня, где-то с полвосьмого до полтретьего. Мы с дочерью убирались, а мама пришла просто за компанию. Работать ей тяжело, но она очень любит этот дом. Начали пораньше, отдраили все сверху донизу — раз в месяц у нас генеральная уборка. Когда закончили, то активировали все сигнализации и замки, поклясться могу.

— Кто-нибудь подходил к дверям?

— Нет, мэм.

— Не замечали, чтобы в последнее время рядом с домом крутился кто-нибудь не из этого района? Понимаете, о чем я?

— Да, понимаю. И нет, не замечала. Район там хороший. Несколько пожилых пар вроде господина судьи с женой. Люди в основном интеллигентные: врачи, юристы и все в таком духе. Пару раз в месяц заглядывал мистер Деннис — просто поздороваться и проведать дом.

— А сенатор?

Сила презрительно наморщила нос.

— В последнее время и этот захаживал, только на уме-то у него одни деньги.

— Сила!..

— Прости, Мел, не удержалась. Сенатор вывез часть мебели... то есть нанял грузчиков, чтобы ее вывезли. Мистер Деннис сказал, она досталась ему по завещанию. Я не стала ему говорить, что случайно слышала, как сенатор обсуждает по телефону возможную стоимость этой мебели. Мистеру Деннису больно было бы узнать, что вещи, которые так любили его бабушка с дедушкой, достанутся чужим людям.

Ева задала еще несколько вопросов, хотя уже понимала, что ничего интересного не накопает. Когда они с Рорком собрались уходить, Сила дотронулась до ее руки.

— Я бы хотела позвонить мистеру Деннису — просто услышать его голос. Иначе я так и буду переживать. Можно?

— Конечно, — ответила Ева и, немного помедлив, добавила: — Вы бы заглянули в дом где-нибудь через недельку, прибрались в кабинете. А то после криминалистов всегда много пыли.

— Обязательно загляну.

В машине Ева долго молчала, затем повернулась к Рорку:

— Продажа мебели, встреча с риелтором... Возможно, простая жадность. И все-таки хорошо бы взглянуть на финансовые дела сенатора. Мало ли: проигрался в казино, бывшая любовница шантажирует. Может, он не просто хочет, а вынужден продать дом.

— Сунуть нос в чужие финансовые дела, еще и с твоего разрешения — всегда приятно. В данном же случае это истинное наслаждение.

— Как же ты его не любишь!

— Не то слово.

— Сумел бы он вынудить мистера Миру продать дом?

Рорк плавно обогнул микроавтобус, стараясь, чтобы машину не заносило на скользкой дороге.

— Подробностей я не знаю, но если они владеют имуществом в равных долях, пришлось бы побороться. Деннис мог бы выкупить долю Эдварда.

— Ну да, если у него в шкафу пылится десять лишних миллионов.

— Обычно десять миллионов не пылятся, а приносят еще больше миллионов. При разумном использовании, конечно. Мы могли бы дать ему в долг. Семья все-таки, — добавил он в ответ на удивленный взгляд Евы.

Она взяла его за руку.

— Я правда хотела приготовить ужин. А еще поплавать вместе и заняться любовью в бассейне. Подумывала даже посмотреть фильм.

Рорк непринужденно улыбнулся:

— Все сразу?

— План не доработан. Жаль, не получилось его осуществить.

— Ну, у нас вся жизнь впереди.

Рорк остановил машину перед сверкающей серебристой высоткой. Швейцар, похожий на белого медведя в своей белоснежной ливрее с золотыми галунами, выбежал под ледяной дождь и сердито уставился на них. Ева зловеще усмехнулась.

— Ты уже купил это здание?

— Еще нет. Может, зайдём — посмотрим, стоит ли оно того?

— Сначала собью спесь со швейцара, — ответила Ева, прежде чем вылезти из машины. — И не смей его подкупать!

— Чтобы испортить тебе удовольствие? За кого ты меня принимаешь?!

Ева шагнула на тротуар и широко расставила ноги. Швейцар презрительно скривил губы:

— Даже не думайте поставить здесь эту развалюху.

— Уже поставила.

— Как поставили, так и переставите. Это место для такси, лимузинов и прочих машин, не позорящих автомобильную индустрию.

Ева сунула ему под нос полицейский значок.

— Это служебная машина, и она останется там, где я ее припарковала.

— Слушайте, я всегда готов поддержать парней в форме — и девушек тоже, — но не могу же позволить, чтобы здесь торчала такая рухлядь.

— Не судите по обложке.

— Что?

— По одежке, — поправил Рорк. — По одежке, дорогая.

— Не важно. В любом случае машина останется здесь... — она взглянула на бейджик швейцара, — Юджин. Вы видели сенатора Миру сегодня вечером?

— Нет, не видел, а я у дверей с четырех. Слушайте, заведите это убожество за угол — поставьте в гараж. Я им звякну, так что платить не придется.

— Другой на моем месте счел бы ваши слова попыткой подкупа, но я просто пропущу их мимо ушей. А как насчет миссис Миры?

— Ее секретарь ушел минут двадцать назад, так что, насколько я понимаю, миссис Мира у себя. А у вас к ней какие-то претензии?

— Претензии у меня будут к вам, если вы не пропустите нас к миссис Мире, причем немедленно. За плечами у меня долгий рабочий день, я замерзла и промокла. Если захочу, могу превратить вашу жизнь в сущий ад.

— Копы... — буркнул швейцар себе под нос и направился ко входу.

Когда вошли в вестибюль, он протопал к компьютеру.

— Вам нужен допуск от миссис Миры или кого-нибудь из ее подчиненных. У супругов Мира личный лифт, и если я попытаюсь отправить вас наверх без допуска, сработает сигнализация. А это будет стоить мне места. Вы можете превратить мою жизнь в сущий ад, сестрица, но куда вам до моей жены! Уж лучше оказаться в аду, чем сообщить ей, что остался без работы.

— Лейтенант сестрица, — поправила Ева. — Передайте, что с миссис Мирой хочет поговорить полиция Нью-Йорка.

Швейцар постучал пальцем по сенсорному экрану и надел наушник.

— Прием, Хэнк! Говорит швейцар Юджин. Тут копы приехали, хотят побеседовать с боссом. Угу, сейчас сделаю. Понял.

Он повернулся к Еве:

— Охранник сообщит миссис Мире, что вы хотите подняться. А мне нужно считать данные с вашего значка.

— Считывайте.

Закончив сканировать значок, швейцар вернулся к экрану.

— Лейтенант Ева Даллас, личность подтверждена. Хорошо. Охранник спрашивает, о чем вы собираетесь говорить с миссис Мирой.

— А это я объясню самой миссис Мире, чтобы не разглашать конфиденциальную информацию.

— Она сказала... в общем, ты слышал. Ясно.

Швейцар отвернулся от экрана и указал на последний в ряду из трех лифтов.

— Это лифт супругов Мира. Я отправлю его прямо наверх. Там вас встретит охранник.

— Отлично.

Лифт открылся почти бесшумно. Светло-золотистые стены, по бокам от дверей — две ярко-голубые банкетки, на столике у задней стены — букет белых роз.

— Это ж надо — цветы в лифте! — удивилась Ева.

Рорк продолжал смотреть в экран ППК.

— Восемь лет назад они выкупили весь верхний этаж — четыре квартиры плюс террасы.

— Весь верхний этаж!..

— За двенадцать миллионов триста тысяч. Ты же сама велела взглянуть на финансовые дела сенатора.

— Я думала, ты займешься этим дома.

— Искушение оказалось слишком велико. Кстати, у лифта есть глаза и уши, но я взял на себя смелость заблокировать их, как только мы вошли.

— А ты без дела не сидишь!

— Праздные руки трудятся на дьявола.

— Почему? Когда ты спишь, руки у тебя тоже праздные — они и тогда трудятся на дьявола? Что же теперь, не спать и все время что-нибудь делать? А если ты сломаешь руку? Будет она трудиться на дьявола, пока не срастется?

Рорк задумчиво поглядел на бледно-золотой потолок.

— Надо же было уничтожить такую простую, пусть и нравоучительную фразу!

— Видишь? Я тоже без дела не сижу.

Довольная собой, Ева вышла в беззвучно отворившиеся двери лифта.

Навстречу ей шагнул высокий, прекрасно сложенный чернокожий парень, будто сошедший с обложки журнала мужской моды. В просторном холле тоже были белые розы, банкетки, приглушенное освещение, в стене — плотно закрытые двустворчатые двери.

— Лейтенант... сэр... — обратился он к ним с чуть заметным британским акцентом. — Я должен принять у вас оружие и все электронные устройства, прежде чем пропущу к миссис Мире.

— Черта с два.

— В таком случае, боюсь, без ордера вам дальше не пройти.

— Ясно. Я так понимаю, миссис Миру не интересуется, что сегодня вечером ее мужа избили и, скорее всего, похитили. Если что-то изменится, пусть позвонит мне завтра в Центральное управление. Мое дежурство окончено. Пошли есть спагетти, — сказала она Рорку и повернулась к лифту.

— Одну минуту. На сенатора Миру действительно напали?

— С фрикадельками, — добавила Ева, — и бокалом хорошего вина.

— Звучит восхитительно, — вторил ей Рорк. — У камина? В такую ночь приятно посидеть у огня.

— Лейтенант Даллас!

Ева оглянулась через плечо.

— Вы ко мне обращаетесь?

— Сенатор Мира ранен?

— Слушайте, Хэнк, я здесь, чтобы поговорить с Мэнди Мирой. Либо она нас впускает, либо нет. Хватит тратить мое время.

— Подождите, пожалуйста. Одну минуту.

— У вас ровно шестьдесят секунд. Время пошло.

Ева демонстративно взглянула на часы, а Хэнк приоткрыл дверь и скользнул внутрь.

Она глубоко вздохнула:

— И почему люди так не любят копов?

— Понятия не имею. Теперь мне и правда хочется спагетти.

— Потерпи, будут тебе спагетти.

Хэнк появился, когда секундная стрелка дошла до тридцати.

— Входите, пожалуйста. Миссис Мира сейчас подойдет.

— Отлично. У нее примерно двадцать пять секунд.

— Лейтенант... — начал он и тут же замолчал, заслышав быстрый перестук каблуков.

Мэнди Мира оказалась высокой эффектной женщиной с идеальной фигурой и гривой золотых волос, которые, к удивлению Евы, с одной стороны доходили до уха, а с другой закручивались у самого подбородка. Холодные голубые глаза под темными бровями выражали одновременно раздражение и скуку.

— Как это понимать? Я не привыкла, чтобы ко мне на порог заявлялась полиция. Меня не устраивает, что вы сочинили какую-то дикую историю о нападении на моего мужа и обманом проникли в мой дом.

— Миссис Мира, вы говорили с мужем в течение последних нескольких часов?

— Это вас не касается.

— В таком случае извините, что напрасно проникли к вам в дом.

Ева сделала движение уйти.

— Я хочу знать, что это значит!

— Это значит, что мы расследуем нападение на Эдварда Миру, а также его последующее исчезновение.

— Полный бред!

— Тогда позвоните ему прямо сейчас, и мы немедленно уйдем, принеся искренние извинения за причиненное беспокойство.

— Хэнк! — Мэнди щелкнула пальцами. — Позвоните сенатору Мире.

— Мэм, уже звонил — по всем номерам. Не берет трубку.

— Дайте сюда!

Она выхватила у охранника телефон и удалилась, стуча неимоверно высокими каблучками небесно-голубых туфель.

— М-да, не хотела бы я на нее работать.

Ева сунула руки в карманы и принялась осматривать комнату. Много холодных голубых тонов — под цвет глаз Мэнди Миры, догадалась она. Все элегантное, гладкое, блестящее. Хорошо, что им не предложили присесть: после таких стульев вся задница, поди, будет в синяках. На белом глянцево-фортепиано стоял еще один огромный букет белых роз. Белые портьеры обрамляли стеклянную стену с видом на террасу. Когда Ева дошла до незажженного камина и висящего над ним портрета сенатора с супругой, до нее долетел гневный голос Мэнди.

— Как это не знаете? Вам за то и платят, чтобы знали! А если хотите, чтобы и дальше платили, свяжитесь с сенатором Мирой — немедленно! Вы меня поняли?

Мэнди влетела в комнату и сунула Хэнку телефон.

— Сенатор сейчас недоступен, хотя вас это и не касается. Однако я требую объяснений. Почему вы утверждаете, будто с ним что-то случилось?

— Вам известно, что у вашего мужа сегодня была назначена встреча с риелтором по поводу дома на Спринг-стрит?

— Известно.

— Вы знаете имя и телефон риелтора?

— Мне глубоко безразличен и дом, и его судьба.

— Я так понимаю, подобный ответ должен означать «нет». Кузен вашего мужа Деннис Мира...

— Ах, вот в чем дело! — Мэнди отмахнулась, словно от неприятного запаха. — Если вам позвонил Деннис, он только зря потратил ваше и мое время. Это растяпа и недотепа, питающий непонятную привязанность к дому на Спринг-стрит. Я бы решила, будто Деннис нарочно все подстроил, чтобы осложнить дело с продажей, но ему до такого в жизни не додуматься.

Рорк положил руку на плечо Еве и легонько сжал. Он заговорил прежде, чем она успела раскрыть рот, так что ей осталось только представлять во всех красках, как она бьет Мэнди Миру кулаком в лицо.

— На Денниса Миру напали после того, как он бросился на помощь вашему избитому мужу. Если прекратите перебивать, лейтенант подробно все объяснит, — добавил Рорк таким ледяным тоном, что чуть не отморозил Мэнди яйца, которые, как представлялось Еве,

скрывались под ее белыми шелковыми брюками.

— А вы, собственно, кто?

— Рорк, в данный момент — гражданский консультант лейтенанта Даллас.

Холодные глаза Мэнди сузились.

— А, ну конечно. Знаю я, кто вы такие. Шваль и сброд. И сюда заявились, несомненно, по наущению Денниса и Шарлотты Миры. Можете им передать, что мне неинтересны их жалкие козни, а мой муж сделает с этим дурацким старым домом и со всем его содержимым то, что пожелает. Если еще раз нарисуетесь и будете мне досаждать, я поговорю с губернатором, и тогда посмотрим, надолго ли Шарлотта сохранит свою нелепую работу в полиции. Хэнк, выпроводите их отсюда. Сейчас же.

Ева слегка подалась вперед.

— Пошла ты в жопу!

Мэнди побагровела.

— Да как вы смеете! Даже не сомневайтесь — я обо всем сообщу вашему начальству!

— Тогда вам нужен майор Джек Уитни. Центральное полицейское управление. — Ева достала значок. — И не забудьте записать мое имя и номер. В этом дурацком старом доме я сегодня вытирала кровь вашего мужа — подумайте об этом. А еще о том, что не можете его найти. Вспомните, что Деннис Мира пролил собственную кровь и оказался на полу без сознания, потому что хотел ему помочь. А еще...

— Ева... — негромко произнес Рорк.

— Нет, черт побери, я не закончила. А еще подумайте о том, что к вам приехала полиция, чтобы сообщить о случившемся и попытаться установить местонахождение вашего мужа, а вы наотрез отказались сотрудничать. Теперь я смотрю на вас как на главного подозреваемого. Прячешь скелеты в шкафу, сестрица? Даже не сомневайся — я их найду!

От гнева и изумления вся краска сбежала с лица Мэнди Миры.

— Вышвырните их вон!

Она вылетела из комнаты, а Ева с Рорком направились в холл. Хэнк вышел вслед за ними и прикрыл за собой дверь.

— Лейтенант... сэр... Я хотел бы извиниться за...

— У вас своя работа, у меня — своя.

— Вы уверены, что сенатора Миру избили и похитили?

— Да. — Перемена в голосе Хэнка заставила Еву обернуться. — Вы знаете, с кем у него была назначена встреча в старом доме?

— Не знаю, но постараюсь выяснить. Сенатор должен был вернуться больше часа назад. Мне и самому давно пора домой; миссис Мира настояла, чтобы я остался, пока он не приедет.

— Это обычная практика?

— Ничего необычного в ней нет. Если узнаю что-нибудь полезное, позвоню вам в Центральное. И просто для сведения: она и правда сообщит губернатору и вашему начальству.

— Да хоть самому Господу Богу.

Когда двери лифта закрылись, Рорк взял Еву за руку. Он почти чувствовал, как ее кожа излучает ярость.

— Чур я буду Шваль.

— Что?..

— Чур я буду Шваль. Так что тебе остается Сброд.

На лице Евы отразилось минутное замешательство, затем глаза ее лукаво блеснули, против воли отзываясь на шутку.

— Почему именно Шваль? Потому что первый по списку?

— Просто слово нравится. По-моему, мне идет. А тебе больше подходит Сброд. Мой Сброд...

— Лейтенант Сброд.

— Как скажешь.

— Пытаешься меня успокоить, чтобы я не разнесла лифт?

— Скорее, пытаюсь успокоиться сам. Не часто у меня возникает желание ударить женщину — не в моей это природе, а сейчас такое желание было.

— Когда я мысленно ей вмазала, из носа у нее брызнула кровь.

— Что же, придется нам обоим довольствоваться этим. И все же... — он поднес руку Евы к губам, — мы поедem домой и будем работать допоздна, чтобы найти мужа этой хамоватой стервы.

— Ну и мерзавец же он, наверное. Только мерзавец возьмет в жены нечто подобное. Но ты прав, мы будем его искать.

Пока ехали домой, Ева позвонила Мире — сообщить, что уведомила Мэнди.

— Как она отреагировала?

— Заявила, что это вы с мистером Мирой все выдумали, оскорбила меня, Рорка, вас обоих и пообещала пожаловаться губернатору и Уитни. Я послала ее в жопу.

— Я все улажу.

— Не надо. Не хочу, чтобы вы...

— Ева, я все улажу. Ждите извинений.

— Не нужны мне ее...

— Не спорьте.

Ева начала было возражать, но увидела усталость и напряжение в лице Миры.

— Ладно, бог с ним. Как мистер Мира?

— Нормально. Никакихстораживающих симптомов. Еще понаблюдаю сегодня, но, по-моему, он в полном порядке. Волнуется за Эдварда, конечно.

— Передайте ему, что мы приступили к расследованию. Если что-то узнаем, я сообщу.

Ева нажала на отбой прежде, чем Мира успела еще раз ее поблагодарить, и принялась обдумывать возможные методы расследования. Машина тем временем въехала в ворота и остановилась перед домом.

Во всех окнах величавого каменного здания приветливо горел свет — даже в причудливых башенках. Вернуться в такой дом после бесконечного рабочего дня — это ли не чудо?

Они вышли из машины и направились ко входу.

— Сколько тебе понадобилось, чтобы спроектировать дом — весь этот замок?

— О, мальчишкой я годами строил его в своем воображении. Всякий раз, как ложился спать голодным или избитым, дом вырастал еще немного.

Поскольку детство у Рорка было такое же кошмарное, как у самой Евы, ее удивило, что дом получился просто большим, а не гигантским.

— Я слегка его уменьшил, — пояснил Рорк, снова беря ее за руку. — Отказался от сторожевых башен и рва с водой. А еще пришлось признать, что мои любимые катапульты

лишены всякого практического смысла.

— Ну, не знаю. По-моему, катапульты — это круто.

Переступив порог, Ева увидела Соммерсета. Вот кого бы она зарядила в катапульту в первую очередь...

Дворецкий стоял у дверей, одетый в обычный черный костюм — вылитый живой труп или скитающийся по дому призрак. Толстый кот Галахад потерся о его штанину, затем потрусил к Еве с Рорком и принялся виться у них между ног, словно неуклюжий танцор кошачьего балета.

Ева ждала традиционного язвительного замечания по поводу их позднего возвращения или еще какой-нибудь колкости, однако Соммерсет лишь произнес:

— Мистер Мира?

— Все в порядке, — ответил Рорк, снимая пальто. — Ева только что говорила с доктором Мирой.

— Рад слышать. Если могу чем-то помочь, просто дайте знать.

Соммерсет удалился почти беззвучной походкой. Ева проводила его хмурым взглядом.

— После такого дня мне даже не представится случая на него наехать?

— Ты послала в жопу супругу бывшего сенатора, — напомнил Рорк, помогая ей снять пальто. — На сегодня с тебя хватит.

— Я была при исполнении.

Мимоходом почесав Галахаду спинку, Рорк направился к лестнице.

— Завтра наверстаешь упущенное.

Поскольку ничего другого действительно не оставалось, Ева тоже двинулась вверх по лестнице, слыша позади топоток Галахада.

— Сначала ужин, — объявил Рорк. — В спальне, с вином и камином.

Ева не возражала. Потом, у себя в кабинете, она оформит доску с материалами дела, соберет кое-какие данные, поторопит детектива из отдела по розыску пропавших без вести. Рорк может проверить финансы Эдварда — это его развлечет. А сама она...

— Я займусь вином и камином, ты — макаронами, — объявил Рорк.

— Договорились. Надо будет позвонить детям Эдварда — вдруг они что-нибудь знают. А завтра займусь этим его институтом, если ничего нового не всплывет.

— Если не всплывет труп, хочешь сказать. Ты рассуждаешь, как коп из убойного отдела.

— Я и есть коп из убойного отдела. Да, труп. Будь это обычное похищение, за Эдварда потребовали бы выкуп. Может, конечно, им что-то от него нужно — тогда, глядишь, еще отпустят живым.

— А зачем его отпускать?

— Да, зачем? Разве что велят держать язык за зубами, чтобы не было хуже. Я слишком мало о нем знаю — не могу сказать наверняка. Чутье говорит, что труп будет, но вдруг у меня просто условный рефлекс?

— Жена его не любит.

Раньше Ева пришла бы к такому же выводу логическим путем. Теперь она сама испытала любовь и просто знала, что это так.

— Любовью и не пахнет. Однако Мэнди дорожит своим статусом. Вряд ли это ее рук дело. Хотя, возможно, мне просто не все известно. По словам Миры, сенатор ходит налево, но жене глубоко наплевать. А вдруг ей больше не наплевать? Скажем, возникла угроза развода и потери статуса.

Ева поставила на стол тарелки, до краев наполненные макаронами. В камине уже потрескивал огонь, а Рорк разливал по бокалам темно-красное вино. За происходящим с интересом наблюдал кот.

— Как думаешь, Соммерсет его покормил?

— Разумеется.

— А, черт с ним...

Ева вновь подошла к автоповару и заказала блюдечко с лососем.

— Чтобы не смотрел на нас голодными глазами, — ответила она на удивленный взгляд

Рорка.

Когда Галахад с жадностью набросился на еду, Ева вернулась за стол и взяла в руку бокал.

— Все это должно было произойти еще несколько часов назад.

Она сделала медленный глоток.

— Главное, что все-таки произошло. В такой мерзкий вечер приятно поужинать вместе у камина — пусть и с опозданием.

Ева намотала на вилку спагетти, попробовала.

— А ничего... — Она подцепила вилкой еще. — Риелтор. Нужно найти риелтора. Либо он как-то связан с исчезновением Эдварда, либо встречу отменили. Скорее всего, связан. — Ева оторвала вилкой кусочек фрикадельки. — Продажа дома тут ни при чем — ей мешает мистер Мира. Либо личные счета, либо политические. Может, задолжал кому-то денег? В любом случае сенатора заманили в дедов дом, а значит, знали о его существовании и надеялись, что там им никто не помешает. Но мистер Мира спутал им карты.

— Итак, пока Деннис Мира валяется без сознания, Эдварда увозят. То есть у похитителей есть машина.

— Да. А раз есть машина, значит, они с самого начала собирались увезти его с собой. Только сперва немного отделать. Попахивает личными счетами. Или денежными делами — для многих это одно и то же. И все же...

— Эдвард как раз намерен продать очень дорогую недвижимость, стоимость которой покрывает любые долги, кроме совсем уж запредельных.

— Вот именно. Так что, если дело в деньгах, самое разумное — убрать помеху, то есть мистера Миру. Однако мистера Миру не трогают. Значит, скорее всего, личные счета.

— Засадил кого-то не того, когда был судьей? — предположил Рорк. — Перебежал кому-нибудь дорогу в конгрессе? Или обошел по службе? У политика всегда много врагов.

— У ловеласа тоже. Брошенная женщина. Муж или любовник бывшей пассии. Мотивов сколько угодно.

Рорк кивнул и подцепил вилкой еще макарон.

— А почему не прикончить его прямо на месте?

— Вот-вот... — Ева ела, не переставая думать. — Поначалу я ставила на похищение. Но прошло уже несколько часов, а выкупа до сих пор не потребовали. Так что... им нужно время, чтобы выбить из Эдварда какие-то сведения или просто заставить страдать.

— На Денниса напали сзади.

Ева кивнула, пригубила вина.

— Постарались, чтобы не увидел нападавшего. Значит, действовали хладнокровно. Казалось бы, почему просто не пристукнуть Денниса, а заодно хорошенько напугать Эдварда? Но нет. Деннис в их планы не входит.

— То есть план у них есть.

— Смотри... — Ева подалась вперед. — Похититель входит в дом вместе с Эдвардом. Значит, Эдвард его не знает. Или знает, но не боится. Похититель выдает себя за риелтора. Возможно, он и есть риелтор, тогда расставить ловушку еще легче. Пока не найдем Эдварда или его труп, не сможем выяснить, заманили его в кабинет, отвели под дулом шокера или втащили силой. Еще непонятно, почему именно кабинет — играет ли место какое-то значение или нет. Мистеру Мире показалось, что Эдвард не был связан. Мои наблюдения говорят о том же. Так что, думаю, преступников как минимум двое: один держит сенатора на мушке, другой избивает.

— Если Эдвард задолжал кому-то денег — а я надеюсь это выяснить, — возможно, к нему подослали пару костоломов. Хотя зачем тогда заманивать его в дедов дом? Очень уж хитрая уловка, да и ненужная.

— Именно. И вообще, зачем забирать Эдварда с собой, если можно просто переломать ему ноги? Не исключено, конечно, что выкуп еще потребуют, но пока мне кажется, что дело не в деньгах.

— Следующая версия — секс.

— Да, от секса люди дуреют. Становятся злобными, мстительными, жестокими.

— Гарантируешь? — ухмыльнулся Рорк, так что Ева чуть не поперхнулась вином.

— Извращенец!

— Со стажем. Но ты говоришь о сексе неинтересном и недобровольном. Так что я с тобой согласен, хотя... — Он разломил хлебную палочку и протянул половинку жене. — Если Эдварда собирались избить до смерти, потому что он с кем-то замутил или кого-то бросил, зачем увозить его с собой?

— Мистер Мира.

Рорк кивнул:

— Все пошло не так. Преступники запаниковали, однако не настолько, чтобы прикончить Эдварда сразу. Поэтому увезли его в другое место.

— Да, эта версия мне нравится. «Черт, что же делать? Сматываемся, а его берем с собой». — Ева махнула хлебной палочкой. — Держу пари, тело найдется не более чем через сутки.

— Боюсь, подобное пари слишком вульгарно даже для нас с тобой.

— Пожалуй.

Не отрываясь от еды, Ева гадала, кому впервые пришло в голову сделать шарики из фарша и был ли он вознагражден по заслугам.

— В общем, я буду расследовать преступление как убийство, а отдел розыска пускай расследует как исчезновение. Но если появится труп, я дело не отдам. Мистеру Мире придется нелегко, хотя отношения у них с кузеном не самые дружеские.

— Родственников не выбирают.

— Да уж, и отношения между кузенами — отдельная песня. Когда Макнаб или Пибоди рассказывают о своих кузенах — или ты о своих, — чувствуется, что вас связывают родственные узы и большая симпатия. А этот кузен и его жена-мымра не просто забыли об узах или не испытывают симпатии. Они излучают...

— Презрение.

В знак согласия Ева ткнула в его сторону вилкой.

— Именно. Надо быть полным идиотом, чтобы презирать такого человека, как мистер

Мира.

— Выходит, в течение ближайших суток мы обнаружим тело идиота?

Ева кивнула, отправив в рот последний кусочек.

— Да. Но это не значит, что мы будем сидеть сложа руки. Надо сделать приписку к плакату, который висит у нас в отделе. Ну, помнишь? «Мы служим обществу и защищаем вас вне зависимости от расы, вероисповедания и т. д. и т. п., потому что вы тоже можете умереть». Нужно пририсовать эту... как ее...

Она изобразила в воздухе символ. Рорк невольно улыбнулся, потому что понимал ее с полуслова.

— Звездочку.

— Да, звездочку. И приписать: «Даже если вы идиот».

— Для убойного отдела больше подойдет прошедшее время: «Даже если вы были идиотом».

— Хорошее уточнение. Ладно, пора приниматься за работу. Ты займешься финансами.

— С превеликим удовольствием.

Они вместе вышли из спальни.

— Надо отправить Пибоди отчет — ввести ее в курс дела. Копию перешлю Мире. Ее не так-то легко вывести из равновесия, но сегодня она испугалась. Особенно когда увидела, что мистер Мира ранен.

— Любовь делает нас уязвимыми.

— Мистер Мира ее утешал. Он всегда такой заботливый... Знаю, он сам был расстроен, к тому же получил нехилый удар по голове, и все-таки ее утешал.

— А еще любовь делает нас сильными. В этом ее чудо.

— Не знаю, многие ли рождаются добрыми, но мистер Мира именно такой. Доброта у него в крови. Поэтому жаль все-таки, что я не врезала этой стерве Мэнди.

— Ты вообразила, как у нее из носа брызнула кровь. — Рорк потрепал Еву по плечу. — Придется довольствоваться этим.

— Да уж, делать нечего.

Они разошлись — каждый в свой кабинет. Кот предпочел остаться с Евой. Залез на спальное кресло, долго вертелся на месте и наконец рухнул, словно пробежал марафон.

Ева села за стол и проверила почту. Донесение от чистильщиков — ребята в точности выполнили приказ поторапливаться. Кровь на кресле принадлежала Эдварду Мире, на полу — Деннису Мире. Отпечатки пальцев, обнаруженные в кабинете, в прихожей и на дверях, принадлежали либо Эдварду, либо Деннису, а также домработницам: Силе Робартс, ее матери Фрэнки Трент и дочери Даре. Значит, преступники пользовались изолирующим составом. Следовательно, все спланировали заранее.

Ева принялась составлять отчет, приложила к нему доклад чистильщиков. Потом решила отправить копию майору Уитни и слегка причесала текст. Какой бы нагоняй ни устроил ей Уитни за то, что она послала в жопу Мэнди Миру, оно того стоило.

Когда с отчетом и заметками было покончено, Ева принялась за доску с материалами дела. Пока данных маловато, подумала она, обходя доску кругом и разглядывая фотографию Эдварда. Но начало положено.

Ева хотела вернуться за стол и собрать подробную информацию обо всех, кто хоть как-то связан с делом, когда вошел Рорк.

— Уже? — удивилась она.

— Пока только предварительные данные. Могу сказать, что крупная сумма денег сенатору не помешала бы.

— Проигрался?

— Скорее, просто живет не по средствам. Да и Институт Миры себя не окупает. Эдвард закачал в свое детище уйму денег, а оно до сих пор бьет ему по карману. Вообще они с женой очень много тратят. Охрана, приемы, путешествия. Пентхаус в Нью-Йорке, дом в Ист-Хэмптоне, квартира в Ист-Вашингтоне. Плюс членства в суперэсклюзивных загородных клубах. Кроме того, институт снимает номер люкс в моем отеле «Палас», выплачивает сотрудникам солидное жалование и несет высокие общие расходы.

Рорк подошел к столу, отпил кофе из Евиной кружки.

— За последние два-три года Эдвард сделал несколько необдуманных вложений, что сказалось на уровне его доходов. Кое-что, правда, выручил на продаже антиквариата.

— Из дедова дома.

— Естественно. Если они с женой не найдут новый источник дохода, придется им урезать свои траты или же продать часть недвижимости. Это с учетом секретных банковских счетов — двух у него и одного у нее.

— Ты уже обнаружил три секретных счета?

Когда Рорк молча отхлебнул кофе и внимательно посмотрел на нее поверх кружки, Ева только покачала головой.

— Чтобы ты, да не обнаружил... Заводить такие счета незаконно?

— Подозрительно. А для человека его положения — неэтично. Продажа дома сильно облегчила бы ему жизнь.

— И никаких кредиторов, которые могли бы подослать костоломов?

— Надо копнуть поглубже, но пока картина достаточно ясная. Эти люди привыкли жить на широкую ногу и не желают урезать свои расходы, чтобы удержать финансовый корабль на плаву. К примеру, Мэнди тратит по десять-двенадцать тысяч в месяц на посещение салонов красоты и спа-процедур. Плюс ежегодные пластические операции и коррекция фигуры, что увеличивает сумму в три раза. Сам Эдвард не сильно отстает от жены в этом отношении.

— Боже мой, почти четверть миллиона в год, чтобы навести красоту?!

— Примерно так. И это ничто в сравнении с теми суммами, которые сенатор инвестировал и продолжает инвестировать в институт. Только на основание выложил двадцать миллионов из собственного кармана. Институт приносит ему около миллиона в год, однако Эдвард вкачивает обратно всю прибыль и немного сверх того, чтобы он не закрылся. Последние полтора-два года с деньгами у него туго.

— Значит, ему позарез нужно продать дом на Спринг-стрит. Надо выяснить, кто наследует долю Эдварда в случае его смерти. Скорее всего, жена или дети.

— Допустим, жена не хочет отказываться от привычного образа жизни. Пошла бы она на убийство?..

Ева внимательно изучила фото Мэнди.

— Я бы не удивилась. Решимости ей не занимать. Наверняка жизнь Эдварда застрахована. Он отбрасывает коньки — она остается безутешной и весьма обеспеченной вдовушкой.

Ева сунула руки в карманы и покачалась на пятках. Затем помотала головой.

— Метод неподходящий. Даже если Мэнди наняла костоломов. «Вот вам пачка денег. Отходите моего мужа как следует, а потом убейте. Причем именно на Спринг-стрит». Может,

решила, что при таких обстоятельствах Деннис согласится продать дом?

— «Здесь умер мой кузен. Его жена убита горем. Если продать дом, это поможет всем нам исцелиться». Да, пожалуй. — Рорк задумчиво протянул Еве кружку с остатками кофе. — Похоже на правду, хотя логика извращенная.

— Слишком извращенная. К тому же, если это наемные убийцы, почему не покончить с Эдвардом сразу? Зачем увозить с собой?

— Ты все-таки склоняешься к личным счетам?

— Да. Денег он никому не должен? Никаких признаков, что его шантажировали или он сам кого-то шантажировал?

— Ничего такого я не заметил.

— Значит, Эдвардом движут деньги, а преступниками — что-то другое. Секс?

Рорк обнял ее за талию.

— С удовольствием!

— Да я не про нас с тобой, умник! Деньги, политика, женщины — вот круг его интересов. Деньги опадают. Политика... Эдвард больше не сенатор, хотя есть еще институт... Я, конечно, проверю, но, если Эдварду приходится закачивать в него такие суммы, много ли влияния он имеет в политических кругах? Остается секс. Номер люкс в твоём отеле... Готова поспорить, чудесное любовное гнездышко.

— Мы умеем вить уютные гнездышки.

— А можешь закинуть удочку и выяснить имена тех птичек, с которыми миловался в этом гнездышке кобель-сенатор? Что-то не звучит, — нахмурилась Ева. — Такую метафору смазала...

— Если Эдвард принимал в отеле гостей, я раздобуду тебе их имена или, по крайней мере, фотографии. Дай мне пару минут.

Ева сделала еще кофе и продолжила собирать данные. Ее не удивило, что Рорк справился со своим заданием первым.

— Пять женщин за последний год. Каждая приезжала примерно раз в неделю в течение полутора-двух месяцев. Хочу бренди.

— Пять за год... А ему ведь почти семьдесят!

— Медицина, за что ей большое спасибо, сделала проблему возраста неактуальной. — Рорк достал из стенного шкафика графин. — Я отправил тебе список имен в хронологическом порядке. Ах да, еще кое-что: сенатор пользуется номером примерно раз в неделю. Проводит там всю ночь. А вот дама редко остается до утра.

Ева распечатала фотографии, приклеила к доске.

— Все, кроме двух, официально замужем. Последней двадцать пять. Получается, он на сорок лет ее старше — даже больше! Мерзость какая.

Когда Рорк только покачал бренди в стакане и сделал глоток, Евины глаза сузились.

— Он же ей в деда годится!

— Не люблю этого человека — теперь еще больше, чем прежде, — но не могу не восхититься его... м-м... выносливостью.

— Опять членом думаешь?

— Ну... — Рорк опустил взгляд на свою ширинку, — он тоже имеет право на собственное мнение.

Бормоча себе под нос, Ева принялась кружить вокруг доски.

— А они все красотки — надо отдать сенатору должное. Самой старшей, Лорен

Кэнфорд, сорок два. Замужем, двое детей, лоббистка. У нее, естественно, политический интерес. Самой младшей, Чарити Даунинг, двадцать пять. Не замужем, художница, работает в «Эклектии» — художественной галерее в Сохо. Аша Коппола, тридцать один год, второй раз замужем, работает в некоммерческой организации. Эллисон Байсон, третий раз замужем — оптимизм или безумие? Как бы там ни было, третий раз замужем, тридцать четыре года, домохозяйка. И, наконец, Карли Маккензи, двадцать восемь лет, не замужем, журналист-фрилансер. Надо собрать досье и на них, и на мужей.

— Займись пока своими делами, если, конечно, тебе больше ничего не нужно.

— Нет, ничего. Спасибо за помощь.

В полночь Рорк заглянул проведать Еву. Как он и ожидал, она уже начинала клевать носом.

— На сегодня ты достаточно потрудились.

Ева не стала спорить — знала, что нужно подождать, пока факты улягутся в голове. К тому же, если она не права, к утру Эдвард Мира еще приковыляет домой.

— А ты знал, что мистер Мира и его кузен окончили Йельский? Сенатор выпустился на год раньше. Вообще-то разрыв у них в два года, но мистер Мира получил диплом заранее, еще и с этим, как его? Магнум что-то там.

— *Magna cum laude*^[2].

— Точно. А еще состоял в обществе «Фи-Бета-Каппа»^[3] и был третьим на курсе по успеваемости. Сенатор шел семидесятым с чем-то. У мистера Мира полно всяких титулов и званий — половины я даже не слышала. На последнем курсе избран старостой, на выпускном произносил прощальную речь.

— Наверняка будущего сенатора это страшно бесило.

— Наверняка. В общем, Городские войны только-только начинались, и мистер Мира был ни много ни мало капитаном университетского мирного патруля. Университет находился достаточно далеко от города, так что там было сравнительно безопасно, но случались стычки, митинги и обычные сообщения о заложенных бомбах.

Войдя в спальню, Ева села на кровать и принялась стягивать ботинки.

— Сенатор окончил юридический и устроился на работу в адвокатскую контору в Саннисайде — подальше от места военных действий. Деннис вернулся в Нью-Йорк, получил степень магистра в Колумбийском университете, а потом и доктора. Они с Мирой прожили вместе около года, прежде чем пожениться.

Ева покачала головой и принялась раздеваться.

— Знаешь, мне как-то в голову не приходило, что они жили вместе до свадьбы. Я изучила всю их историю. Странное чувство — словно за ними подглядываешь. Их профессиональная и семейная жизнь начиналась в городе, сотрясаемом войной. Поженились они в дедовом доме. Не надо было тратить на это время, но...

— Чудесная история.

— Чудесная. Теперь понятно, почему дом так много значит для мистера Мира.

Ева натянула ночную рубашку и забралась в постель.

— Сенатор с Мэнди поженились в «Паласе» — задолго до того, как ты его купил. Устроили большой пышный прием.

Когда Рорк лег рядом, Ева повернулась к нему.

— Ты ведь тоже мог устроить большой пышный прием в честь нашей свадьбы. Почему не устроил?

— Тебе бы не понравилось. — Он обнял Еву и притянул к себе. — К тому же я хотел, чтобы наша совместная жизнь началась в самом важном для нас обоих месте — дома. Хотел, чтобы это счастливое воспоминание осталось здесь навсегда — как та картина, которую ты мне подарила, где мы с тобой стоим под цветущим деревом в день нашей свадьбы.

Ева вздохнула.

— Может, у нас и получится, — пробормотала она.

— Что получится?

Но Ева уже провалилась в сон.

Глава третья

Ева скользила на грани между сном и явью. В мозгу роились короткие и странные видения, сплетаясь друг с другом и тая, словно клубы дыма.

Несмотря на туманную процессию снов, скорее нелепых, чем пугающих, ей было тепло, уютно и спокойно. Поэтому, когда Рорк отодвинулся, она вновь прижалась к нему, цепляясь за это тепло, уют и спокойствие.

Он легко коснулся губами Евиного лба и осторожно разжал ее руки.

— Не-ет... — пробормотала она.

— Спи, — шепнул Рорк и хотел ухватить ее руку, но она обняла его крепче.

— Рано. Еще темно. Не уходи.

— У меня голографическое совещание через...

Еве было все равно. Она повернула голову и нашла в темноте его губы.

Ей хотелось не просто пробудить в нем желание, а испытать тихую, шелковистую радость единения, пока мир не проснется и не затянет их в жесткую и слепящую действительность. Слиться с ним в широкой постели под окном в потолок, прежде чем сквозь стекло вползет холодный рассвет.

Рорк почувствовал, как Ева вздыхает, целуя его в губы. И этот поцелуй мерцающим мостиком соединил день с ночью, наполняя тело любовью, словно расплавленным золотом. Ева легла на него — тело к телу, сердце к сердцу, губы к губам.

Рорка завораживали гибкие линии ее стана, гладкая кожа, упругие мускулы. Его руки сначала бесцельно блуждали, затем скользнули под тонкую рубашку, в которой она спала. Лаская стройное Евино тело, Рорк думал, что стал бы абсолютно счастлив, а мир — совершенен, если бы это мгновение растянулось на вечность.

Потом Ева поднялась, стянула через голову рубашку и приняла его в себя.

Наслаждение усилилось одним резким, жарким скачком, а затем перешло в мягкую равномерную пульсацию, похожую на биение сердца — доказательство того, что оба они живы. Две тени во тьме, окутанные тайной, омытые тишиной, околдованные друг другом. Ева раскачивалась, раскачивала его, приближая их обоих к блаженству медленными волнообразными движениями, которые подчиняли себе тело Рорка и заставляли сердце ныть в груди.

Рорк поднялся Еве навстречу, погрузил руки в ее волосы, приник губами к ее губам, и его сердце — каждый уголок — затопила любовь. Они увлекали друг друга в медленно разгорающееся пламя чувственных ощущений, подогреваемое ровным жаром этой любви, биение за биением, пока не осталось ничего, кроме пульсации.

Слитые воедино, они вместе взмыли ввысь и вместе опали.

Ева вздохнула, не размыкая объятий и прижавшись щекой к его щеке.

— Вот так... — снова вздохнула она. — Вот так.

Когда Рорк откинулся назад, увлекая за собой Еву, она была теплой и податливой, как расплавленный воск. Он провел рукой по ее волосам, по щеке, вызвав у нее улыбку.

— Думаю, у нас получится.

— По-моему, уже получилось, — заметил Рорк.

Не переставая улыбаться, Ева ткнула его пальцем в живот.

— Да я не об этом, хотя вышло здорово. Просто все время думаю о супругах Мира. Тебя

не было с нами на месте преступления. Как они смотрят, как прикасаются друг к другу... Пару раз мне пришлось отвести взгляд — казалось, что наблюдаю что-то очень личное. Миры женаты много лет, и когда видишь их в подобные моменты, понимаешь, почему они до сих пор вместе. — Ева закрыла глаза. — Я тоже так хочу. Никогда не думала, что скажу нечто подобное, но я тоже так хочу. Хочу прожить с тобой целую жизнь, и чтобы после многих лет ты по-прежнему смотрел на меня, как он смотрит на нее.

— Ты любовь всей моей жизни и навсегда ею останешься.

— Не мог бы ты повторить то же самое лет этак через тридцать?

— Договорились. А теперь, любовь всей моей жизни, спи дальше.

Когда Рорк встал с постели, Ева нахмурилась.

— Сейчас же глухая ночь!

— Почти полпятого.

— Некоторые — только не ты — считают, что это глухая ночь.

— В Европе сейчас белый день, а у меня скоро голографическое совещание.

Пока Рорк принимал душ, Ева немного подремала, но по-настоящему заснуть так и не смогла. Она почти не слышала, как он вышел из ванной и оделся. Двигался Рорк бесшумно, точно тень. Возможно, это отчасти объясняло, почему в прошлом он был таким успешным вором.

Оставшись одна, Ева полежала еще немного и наконец сдалась.

— Свет на двадцать пять процентов.

Когда свет зажегся, Ева чуть не подпрыгнула: в ногах кровати лежал Галахад и пристально смотрел на нее.

— Господи, да ты ничем не лучше Рорка! Тоже рыскаешь в темноте.

Ева запрограммировала автоповар, чтобы сварить кофе, и пошла в душ, стараясь заставить мозг проснуться. Освободившись первой, приготовила завтрак для них обоих. Вафли — отличное начало холодного январского утра!.. Оставив их под двумя крышками с подогревом, она пошла одеваться. Потом вооружилась кружкой кофе, ППК и принялась за работу.

— Что за прекрасное зрелище!

Ева подняла голову. Сам Рорк в костюме а-ля король делового мира тоже выглядел что надо.

— Уже скупил всю Европу?

— Сегодня я не покупаю — пока, по крайней мере. Просто обсуждал кое-какие проекты на стадии разработки. Разработка идет полным ходом.

Рорк сел, налил себе кофе и снял крышки с тарелок.

— О, вафли!..

— Ровно в восемь Пибоди будет ждать меня в Институте Миры. Хочу разведать обстановку и понять, чем там, собственно, занимаются. На обратном пути попробуем допросить парочку сенаторских подружек. К десяти нужно вернуться в управление: Трухарт получает сегодня значок детектива.

— Жаль, что не смогу приехать. Тем более что ты будешь в форме...

Рорк наблюдал, как Ева окунает вафли сначала в масло, потом в сироп. Галахад осторожно, дюйм за дюймом, полз к столу, пока Рорк не глянул на него. Тогда кот перевернулся на спину и начал деловито сучить лапами в воздухе.

— Я сдеру с себя форму, как только церемония закончится.

— Тем более жаль такое пропускать!

— Очень смешно. Допросим остальных подружек, затем поговорим с сенаторскими отпрысками. Может, они окажутся разговорчивее супруги.

— Я так понимаю, Эдвард пока не объявился — ни живой, ни мертвый?

— Пока нет. Позже опять свяжусь с отделом розыска и попрошу Пибоди постоянно обзванивать больницы. Уже разослала ориентировку на розыск.

Ева запихала в рот очередную вафлю и подумала, что если бы у всех людей день начинался с секса и вафель, они, наверное, были бы менее настроены убивать друг друга.

А может, и нет.

— Если Эдварда найдут мертвым, мне сообщат. А пока я поручила местным копам проверить остальные две резиденции — просто на всякий случай. Думаю, сегодня лаборатория подтвердит мои подозрения насчет слона.

— То есть?

— Предмет, которым стукнули мистера Миру. Стеклянная статуя в виде слона. Мне приснилось, будто он ожил и носился по дому. Вообще-то он не слишком большой. — Ева на мгновение оторвалась от еды и слегка раздвинула руки. — Но все-таки слон.

— Порой завидую твоей бурной сновидческой жизни.

— Кажется, я обездвигила его шокером, прежде чем он успел вырваться из дома и разнести весь район. Окончание сна помню смутно. Он плавно перетек в другой.

— Один слон перетек в другого?

— Не слон, а сон. Хотя слон, собственно, тоже. Я его допрашивала. «Речь идет о покушении на убийство, мистер Слон. Но если вы готовы сотрудничать, я проведу это дело как простое нападение».

Рорк хохотал так самозабвенно, что Галахад совершил еще одну попытку подобраться к вафлям. Рорк отмахнулся от него рукой.

— Ну как тебя не обожать?! «Мистер Слон»...

— Во сне все было предельно серьезно. Этот чертов слон — единственный вещдок, и тот просто попался преступнику под руку. К делу он не относится.

— Им ударили дорогого тебе человека.

— Кстати, надо будет заехать сегодня к Мирам, если успею. — Ева машинально достала из вазочки крупную ягоду ежевики и задумчиво уставилась на нее. — Что-нибудь купить? Ну, там, цветы?..

— Полагаю, что это обязательно, но получить цветы или небольшой сувенир всегда приятно.

— Ладно, посмотрим, как сложится. — Она доела последнюю вафлю. — Сейчас проверю кое-что, позвоню Мире и буду трогаться.

— Сообщи, если сенатора найдут — хоть живого, хоть мертвого.

— Хорошо.

Ева встала, застегнула кобуру, накинула пальто.

— Встречаюсь сегодня с Надин, — сказал Рорк. — Она сократила список потенциального жилья до двух пунктов: бывшего склада, который можно перестроить, и трехкомнатной квартиры в Верхнем Вест-Сайде.

— Что за квартира? Что-нибудь вроде пентхауса? Современное здание, великолепная охранная система, всяческие удобства?

— Именно так.

— Пусть покупает квартиру. Надин, наверное, кажется, что склад — это круто. Она уже думает, как его отремонтировать, сделать конфетку, но у нее ведь голова пойдет кругом. Да и когда ей? Передача на канале 75, книга и все такое... — Ева глянула на Рорка: — Оба здания принадлежат тебе?

— Да. Надин уже отвергла несколько вариантов. Попросила меня предложить два своих и показать ей сегодня. Ее мучают кошмары, и она хочет поскорее съехать со старой квартиры.

— Говорила же ей не открывать эту чертову дверь, — проворчала Ева. — Пентхаус, и точка. — Она нагнулась к Рорку и поцеловала его. — До скорого.

Он притянул ее к себе для второго поцелуя.

— Береги моего копа.

— А у меня есть выход? Ты ведь должен сказать мне кое-что через тридцать лет. Пентхаус, — повторила Ева, направляясь к двери. — Передай Надин: хватит копать — пусть покупает.

Еве казалось, что она выехала заранее — даже слишком рано, — но на дорогах были сплошные пробки. Наконец она добралась до Крайслер-билдинг, недоумевая, почему бы людям не перейти на надомную работу и не оставить улицы тем, кому они действительно нужны. Она с трудом нашла место для парковки и последние два квартала проделала пешком.

Рорк оказался прав: утро и впрямь выдалось холодное. Небо нависало морозным бледно-голубым куполом, воздух тоже был морозный и бледный. Пытаясь согреться, Ева сунула руки в карманы пальто и обнаружила там перчатки. Новые, с пушистой подкладкой, напоминающей теплое облако. Скоро она опять их потеряет, а сейчас они очень даже кстати.

Ева хотела позвонить Пибоди и спросить, когда та приедет, но тут заметила напарницу на переходе. Невозможно не узнать розовое пальто в гуще черных, серых и темно-синих. Цветастая шапка на коротких темных волосах, длинный шарф — на этот раз в голубых разводах. Пибоди было видно за шесть кварталов.

Ева подождала, пока напарница перейдет через дорогу.

— Как мистер Мира? — первым делом спросила Пибоди. — Ты сегодня ему звонила?

— Еще нет. Боюсь разбудить.

— А вдруг у него сотрясение мозга?..

— Мира мигом отвезет его в больницу, если понадобится. Вчера, когда я отправила их домой, он уже вполне оправился.

— Поверить не могу, что кто-то на него напал!

— Скажи спасибо, что не убил.

Ева направилась к величественному зданию в стиле ар-деко.

— Даже не подозревала, что они с сенатором Мирой родственники, — сказала Пибоди. — Трудно представить себе двух менее похожих людей.

Толкнув дверь, Ева удивленно глянула на напарницу:

— Ты знаешь Эдварда Миру?

— Знаю. Не лично, разумеется, а как политика. Я же хиппи, — напомнила Пибоди. — Не согласна почти со всем, что он пропагандирует... — Пибоди умолкла, вертя головой и глаза по сторонам. — Вот это круть! Никогда здесь не бывала.

— Хватит тарашиться! — Для убедительности Ева ткнула ее локтем в бок. — Ты же коп, черт побери!

Зрелище и правда было впечатляющее: огромный, высотой в три этажа вестибюль,

красные с золотом мраморные стены, блестящий золотой пол и величественные колонны.

Но копам не положено тарашиться с открытым ртом, словно туристам.

Обогнав по-прежнему глазеющую по сторонам Пибоди, Ева подошла к одному из информационных экранов.

«Добро пожаловать! Пожалуйста, сообщите, куда вы хотели бы попасть».

— Институт Миры, — произнесла Ева.

Изображение Крайслер-билдинг растаяло и сменилось логотипом института.

«Институт Миры занимает тридцатый и тридцать первый этажи. Главный вестибюль находится на тридцатом этаже. Для получения более подробных сведений назовите, пожалуйста, нужное вам лицо или отдел».

— Приемная руководства.

«Пожалуйста, пройдите на контрольно-пропускной пункт для прохождения досмотра. Приятного визита и хорошего дня».

Как только Ева отвернулась от экрана, к ней шагнули двое охранников в форме.

— Покажите руки и следуйте за нами.

Уже успели просканировать, подумала Ева. Среагировали на наличие оружия.

— Полиция Нью-Йорка. Сейчас достану значок, договорились?

Ева двигалась очень медленно — на случай, если у кого-нибудь из охранников палец дрогнет на курке шокера.

Один из них взял у нее значок, приложил к карманному сканеру.

— Лейтенант, — произнес охранник, возвращая значок. — Ваш тоже, пожалуйста, — обратился он к Пибоди.

Окончив сканирование, охранник кивнул, а его напарник отступил в сторону и проговорил что-то в пристегнутый к лацкану микрофон.

— Можете идти. Воспользуйтесь левой группой лифтов и поднимитесь на тридцатый. Я предупрежу, чтобы вас пропустили, иначе опять придется проходить досмотр. У них там своя охрана.

— Благодарю.

Они пересекли вестибюль и присоединились к маленькой шумной группе сающихся в лифт. Ева чувствовала запах кофе в чьем-то пластиковом стаканчике — такого сладкого, что сводило зубы, — а также аромат приторно-цветочных духов. Две женщины щебетали словно райские птички о том, как бы заскочить на распродажу во время обеденного перерыва. Мужчина в папаше бубнил в телефон что-то насчет совещания в девять. Если бы Еве пришлось работать в офисе, она бы точно выбросилась в первое же окно.

Райские птички вышли на двадцатом, любитель сахара со вкусом кофе — на двадцать третьем. Благоухающая цветами мадам в сапогах на шпильках и длинном черном пальто — на двадцать седьмом. К тридцатому с ними остался только мужчина в папаше.

В центре вестибюля стояла S-образная стойка, позади которой висел логотип во всю стену; название института на нем было выведено строгими печатными буквами. Напротив большого тонированного окна располагалась зона ожидания: черные гелевые диванчики соседствовали с золотистыми креслами, в широкие спинки которых были встроены четыре панели: музыка, напитки, настройки приватности и коммуникация. С дальней стены добродетельно взирал портрет Эдварда Миры.

За первым широким изгибом стойки сидела женщина в черном костюме с узким серебристым кантом и треугольными плечами — такими острыми, что хоть хлеб режь. Она

самозабвенно работала за мощным компьютером, но тут же оторвалась от экрана и одарила их приветливой улыбкой.

— Лейтенант Даллас, детектив Пибоди. Служба безопасности уведомила меня о вашем прибытии. Чем могу помочь?

— Нам нужно поговорить с главным начальником.

— Начальником чего?

— Всего этого. — Ева указала на огромный логотип института.

— Боюсь, сенатора Миры нет на месте. Если вы сообщите цель своего визита, я направлю вас к соответствующему лицу.

— Тогда нам нужен его заместитель.

Сквозь вежливую маску проглянуло легкое раздражение.

— Возможно, мисс Макдональд или мистер Бук сумеют вам помочь. Присядьте, пожалуйста. Я узнаю, могут ли они вас принять.

— Это в их же интересах.

Ева даже не подумала садиться и осталась стоять где стояла.

— Минуточку.

Администраторша нажала встроенную в подлокотник кнопку — кресло заскользило вдоль стойки и замерло у дальнего ее изгиба. Женщина дотронулась до наушника и повернула к ним одно заостренное плечо.

— Похоже, никто здесь не в курсе, что основатель исчез, — заметила Пибоди.

Ева глянула на портрет Эдварда Миры.

— Видимо, сюда новости еще не дошли.

— А разве миссис Мира...

— Видела бы ты ее! — хмыкнула Ева.

Администраторша вновь подъехала к ним.

— Мисс Макдональд готова с вами побеседовать. Поднимитесь на тридцать первый — там вас встретят.

Они вошли в лифт, назвали этаж. Пибоди достала ППК, но Ева покачала головой.

— Я собрала данные на всю институтскую верхушку еще вчера вечером. Макдональд, Тресса. Возраст — сорок три года. Два развода, один ребенок — сын. Окончила Гарвард — право с уклоном в политологию. Работала при Мире сначала помощником судьи, потом, когда он заседал в сенате, руководителем персонала.

— И ты все это запомнила? Впечатляет!

— Наверняка сенатор и ее трахал, так что нужно присмотреться к ней повнимательнее.

Если вестибюль тридцатого этажа был оформлен стильно, но строго, тридцать первый больше напоминал дворец. Ага, вот где обретается начальство, подумала Ева, глядя на белые мраморные полы, устланные пышными красными коврами. За единственным изгибом красной стойки работало сразу три человека. По бокам от высокого, во всю стену окна стояли зеленые деревья в кадках. Серые кожаные кресла были расставлены небольшими группами, а на огромном экране шли сразу шесть круглосуточных новостных программ. Скоро в них появятся сообщения о бывшем сенаторе Мире — живом или мертвом.

Когда Ева с Пибоди двинулись к стойке, в двойные двери из матового стекла вошел мускулистый мужчина с толстой, как у борова, шеей. Он напоминал громилу, напялившего костюм за десять тысяч долларов.

— Лейтенант Даллас, детектив Пибоди, — заговорил он. — Эйден Баннион,

администратор мисс Макдональд. Я провожу вас к ней в кабинет.

Ева в жизни не видела человека, менее похожего на администратора, однако прошла вслед за ним в стеклянные двери и оказалась в большом офисе, рабочие места в котором были разделены скорее силой воли, чем материальными перегородками. Пахло кофе и чьим-то принесенным с собой завтраком. Дребезжали телефоны, голоса пытались перекричать друг друга, пальцы стучали по клавиатурам. Если не считать мраморных полов и изысканной отделки, модных костюмов и дорогой обуви, офис мало чем отличался от полицейского участка.

Петляя между столами, они миновали несколько кабинетов и подошли к угловому офису с двустворчатыми дверями, свидетельствующими о высокой должности владельца. Двери были открыты, и Эйден без стука шагнул внутрь.

— Лейтенант Даллас и детектив Пибоди, — объявил он.

— Спасибо, Эйден. Одну секундочку... — Тресса Макдональд легонько постучала по наушнику. — Я здесь. Если вы сделаете все от вас зависящее, я тоже сделаю все, что смогу. К концу дня. Отлично. Я перезвоню. До свидания.

Тресса закончила разговор и встала — невысокая стройная женщина в мягком сером костюме с небольшим белым жабо на груди. Огненно-рыжие локоны рассыпаны по плечам. Она вышла из-за стола, оценивающе оглядывая Еву темно-зелеными глазами.

— Тресса Макдональд. — Женщина твердо и решительно пожала руку сначала Еве, затем Пибоди. — Кто-то ранен, если не хуже. Я знаю, кто вы. — Голос у нее был такой же твердый и решительный, как и рукопожатие. — Вы из отдела по расследованию убийств. Если кто-то убит, пожалуйста, так и скажите.

— Насколько я знаю, пока никто не убит.

Тресса коротко выдохнула.

— Слава богу! Присаживайтесь. Хотите кофе? Ассистент Эйдена готовит обалденный кофе-лагте.

— С удовольствием, — ответила Пибоди, прежде чем Ева успела отказаться за них обеих.

— Значит, два кофе-лагте. А вам, лейтенант?

— Просто кофе. Без молока.

— Спасибо, Эйден. — Тресса жестом пригласила их садиться и опустилась на диван почти того же цвета, что ее глаза. Ева с Пибоди устроились в темно-синих креслах. — Итак, что случилось?

— Вчера около пяти часов вечера на Эдварда Миру было совершено нападение...

— Что?! — Тресса резко выпрямилась. — Где он? Что с ним?

— Не знаю — он исчез.

— Что значит «исчез»? Я не... — Она оборвала себя на полуслове, покачала головой. — Простите. Я не то говорю. Одну минуту...

Тресса отвернулась, сделала вдох, потом еще один, более глубокий.

— Пожалуйста, расскажите все, что вам известно.

— Вы знали, что вчера у сенатора Миры была назначена встреча с риелтором по поводу продажи дома, которым он владеет на равных правах со своим кузеном Деннисом Мирой?

— Нет. — Тресса потерла лоб. — Не знала.

— Вам известно имя риелтора, с которым работал сенатор?

— Он работал с Сайласом Гринбаумом из «Гринбаум реалти». До недавнего времени.

— До недавнего времени?

— Да. — Тресса оглянулась на Эйдена, который как раз вошел и поставил на стол поднос с кофе и блюдечком тонкого печенья. — Вы не знаете, услугами какого риелтора пользуется теперь сенатор?

— Нет, не знаю, но с Гринбаумом он оборвал всякую связь.

— Спросите Лидди. Выясните, с кем у него вчера была назначена встреча по поводу дома на Спринг-стрит.

— Хорошо.

— И закройте, пожалуйста, дверь. По-вашему, на сенатора напал тот человек, с которым он встречался? — обратилась она к Еве.

— На него напали на Спринг-стрит. Деннис Мира вошел в дом и направился в кабинет на звук голосов. Увидел избитого Эдварда Миру, хотел броситься ему на помощь, и тут его самого ударили сзади по голове.

— Деннис?.. — Тресса дотронулась до белого жабо на груди. — Как он?

— Вы знаете Денниса Миру?

— Да, очень хорошо. Вы же не думаете, будто он имеет какое-то отношение к... Разумеется, не думаете. — Она запустила руки себе в волосы. — Вы ведь работаете с Шарлоттой Мирой, знаете его самого. А судя по тому, что я слышала о вас с детективом Пибоди, вы обе далеко не дуры и понимаете, что Деннис мухи не обидит. Извините, что все время перебиваю. Не могу сидеть на месте.

Тресса вскочила с дивана и принялась мерить шагами комнату.

— На ногах мне будет легче.

Ева понимающе кивнула.

— Когда Деннис Мира пришел в себя, сенатора уже не было. С тех пор его больше не видели — если, конечно, он не нашелся, пока мы здесь сидим.

— Похищение? Но выкупа не потребовали... Вы, конечно, говорили с Мэнди. С требованием выкупа обратились бы либо к ней, либо сюда.

— Да, я с ней говорила. Она не смогла предоставить никаких сведений.

— У сенатора есть дом в Ист-Хэмптоне и квартира в Ист-Вашингтоне. Разумеется, вы уже их проверили.

— Разумеется.

Раздался стук, и в дверь заглянул Эйден.

— Имени Лидди не знает. Сенатор сообщил только, что в четыре тридцать у него встреча с новым риелтором. Уехал в начале пятого — Винни отвез его в дом на Спринг-стрит. Сенатор сказал, что ждать не нужно — его подвезут. Никаких сведений о новом риелторе у Лидди нет.

— Спасибо, Эйден. Попросите, пожалуйста, Вайатта отложить все дела и зайти ко мне.

— Хорошо.

Когда Эйден вышел, Тресса расправила плечи, села и взяла со стола чашку с кофе.

— Вам нужно знать, где я вчера была. В полпятого, верно?

— Скажем, с четырех до шести.

— Где-то до без пятнадцати пять я проводила совещания. Вайатт, Эйден и еще несколько человек могут подтвердить. В пять встретила с Марчеллой Кандин в бистро на Лексингтон-авеню. Мы просидели там до начала седьмого. Потом я вызвала такси и поехала к матери. У сестры вчера был день рождения, и мы устроили праздничный ужин в семейном

кругу.

Вайатт Бук вошел без стука — импозантный мужчина лет на двадцать старше Трессы. Шапка неестественно черных волос, строгий костюм того же цвета, глаза в тон. Вайатт зыркнул на Трессу, вперился взглядом в Еву.

— Что происходит?

— Эдвард исчез.

— Исчез? Чушь!..

— Вы говорили с ним сегодня или вчера вечером? — спросила Ева.

— Нет, но это еще не значит, что он исчез. И ему точно не понравится, что полиция его отслеживает или сливает журналистам сплетни.

Ева хотела было встать, однако Тресса ее опередила:

— Вайатт, пожалуйста, сядь и помолчи. На Эдварда напали в доме на Спринг-стрит, после чего он исчез.

— Напали? Полный бред! Где был Винни?

— Эдвард его отпустил. У него была назначена встреча — предположительно с новым риелтором. На Денниса Миру тоже напали.

— Ха! — Легкое беспокойство на лице Вайатта сменилось столь же легкой усмешкой. — Наверное, у них с Деннисом просто дошло до рукоприкладства.

— Ну и кто здесь порет чушь?

— Я вас умоляю! — Вайатт с раздражением вытащил из кармана телефон. — Сейчас вызову службу девять-один-один на его личный номер, что, естественно, тоже ему не понравится. Зато положит конец этому цирку. — Вайатт нахмурился. — Звонок не проходит — даже на голосовую почту.

— Значит, похитители достаточно умны, чтобы уничтожить телефон, — заметила Ева. — Кто его новый риелтор?

— Понятия не имею. Тоже полнейший цирк. Эдвард вернется к Сайласу, как только оба остынут.

— Они повздорили?

— Эдвард уволил Сайласа пару недель назад, когда тот отказался выставить на продажу дом на Спринг-стрит.

— Сайлас не может выставить его на продажу, — продолжила Тресса, — поскольку дом не находится в единоличном владении.

— Я в курсе. У сенатора Миры есть враги?

Вайатт презрительно фыркнул и шлепнулся на диван.

— Чей это кофе?

— Угощайтесь, — ответила Ева. — Я к нему не притрагивалась.

— Эдвард был юристом, судьей, потом сенатором. — Вайатт хлебнул кофе. — Дня не проходило, чтобы он не нажил очередного врага.

— С тех пор как мы познакомились, Эдварду постоянно угрожали, — прямо сказала Тресса. — О любом сколько-нибудь серьезном случае сообщалось в полицию. Однако с тех пор, как Эдвард ушел из конгресса, угроз стало намного меньше.

— Есть у вас кто-нибудь конкретный на примете? — Ева немного помедлила и продолжила: — Кто-нибудь из женщин, с которыми он встречался? Брошенная любовница или муж, недовольный их связью?

— Я не вмешиваюсь в личную жизнь Эдварда, — сухо ответила Тресса, а Вайатт подался

вперед.

— Нельзя, чтобы слухи о внебрачных связях сенатора просочились в прессу!

— Мистер Бук, слухи меня не интересуют. Я просто хочу найти сенатора Миру. Сбор данных о его личной жизни входит в мои обязанности ни больше ни меньше.

— Я вас предупреждаю...

— Осторожнее с предупреждениями, когда речь о моих обязанностях. С кем он сейчас встречается?

— С какой-то художницей. — Вайатт начал было протестовать, но Тресса метнула на него гневный взгляд. — Для нас важнее найти Эдварда, чем сохранить лицо. Молодая женщина, имени я не знаю — действительно стараюсь не вникать. Эйден может выяснить.

— Не надо, я уже выяснила — причем, как ни странно, в прессу не сообщила. Детектив Хэнсон свяжется с вами для повторной беседы. — Ева встала с кресла. — Он ведет расследование от отдела по розыску пропавших без вести. Если появятся новые сведения, позвоните ему или мне.

— Можем мы еще чем-то помочь? — спросила Тресса.

— Выясните имя риелтора. Всего хорошего.

Глава четвертая

Они пробрались через общий офис и вышли в вестибюль.

— Ты разве не хочешь взглянуть на список его деловых встреч? — спросила Пибоди.

— Институт кишит юристами. Без ордера никуда заглянуть не выйдет, а ордер я получу, только когда речь пойдет об убийстве. Пока пусть этим займется Хэнсон — перешли ему имя шофера и бывшего риелтора. А мы поговорим с женщинами из списка, сыном и дочерью сенатора... — начала Ева, глядя на часы, — но позже. Мы побыли здесь дольше, чем я рассчитывала.

— Едем в Центральное? На посвящение Трухарта?

— Едем в Центральное, — подтвердила Ева.

— Ура!

— Отставить «ура». Впечатления, наблюдения, выводы? — спросила Ева, входя в лифт.

— Все просто помешаны на статусе, а это обычно исходит от начальства. Я-то думала, в подобных организациях — исследовательских институтах, группах активистов и так далее — все более скромно, где-то даже убого. Мое чутье ни на кого не среагировало. По крайней мере, на сей раз. Макдональд, похоже, искренне обеспокоена. Бук — не особо.

— Почему, как думаешь?

— Мне кажется, как человек сенатор его мало интересуется. Нет? Думаешь, дело не в этом?

— Может, и в этом — хотя бы отчасти. По-моему, Бук считает, что сенатор просто укатил куда-то с художницей или еще какой-нибудь девицей. Такая версия кажется ему более правдоподобной, чем похищение.

В вестибюле Ева натянула на голову шапочку со снежинкой — столько же от холода, сколько от сентиментальности.

— Макдональд права, — заметила Пибоди. — Когда Эдвард был сначала судьей, а затем сенатором, у него наверняка образовался внушительный список врагов. Он всегда был сторонником жестких мер — и в суде, и в конгрессе. Пропихивал свою политику. Эдвард по-прежнему участвует в политических ток-шоу и чуть ли слюной не брызжет, когда с чем-то не согласен. Сейчас широко обсуждаются государственные расходы, а он выступает против многих программ социального обеспечения. Во время своего последнего срока в конгрессе он очень резко высказывался по поводу закона о профессиональном родительстве. Приводил цифры, сколько сэкономит государство, если урезать выплаты. Заявил, что его жена с удовольствием сидела дома с детьми и не взяла ни цента правительственных денег.

— А никто не напомнил, что его жена и так купалась в роскоши? Кроме того, у нее наверняка был целый штат прислуги — задницу даю на отсечение.

— Ну да, к тому же Акт о профессиональном родительстве пользуется большой популярностью, поэтому рейтинг сенатора и упал. Аналитики считают, что Эдвард не стал баллотироваться снова, потому что понимал: ему все равно не выиграть.

— Аналитики?

Пибоди пожалала плечами и уткнулась подбородком в складки шарфа.

— Смотрю иногда политические ток-шоу, пока занимаюсь рукоделием. Макнаб не возражает. Когда выступает кто-нибудь вроде нашего говносенатора или депутатиши Видали... Ты ведь знаешь, кто такая Видали?

— Не знаю и знать не хочу.

— Видали — ханжа и лгунья. Терпеть не могу, когда она и ей подобные начинают вещать о том, чего ждет от них Бог. Как будто они с Богом запанибрата — не то что мы, простые смертные. Я просто зверею. А потом у нас бурный секс.

Еве захотелось приподнять бровь.

— С Видали? — уточнила она.

Пибоди с трудом подавила смешок.

— Ну да, мы в друг друге просто души не чаем. Если серьезно, мне все время хочется ее стукнуть. Смотрю на Видали и думаю: «Так бы и врезала по твоей лживой роже». А вместо этого сигаю на Макнаба, и все довольны.

Ева подумала о шарфе, который подарила ей Пибоди. Интересно, сколько раз она сигала на Макнаба, пока его вязала?.. Пожалуй, лучше об этом не думать.

Ева завела двигатель и проскочила в крошечный зазор между машинами, не обращая внимания на несущиеся вслед автомобильные гудки.

— Немного передохнем после церемонии и снова за работу. Первым делом поговорим с художницей.

— Ей ведь и тридцати еще нет? Фу, какая гадость! А я ведь вообще-то предрассудками насчет возраста не страдаю.

— А что говорят аналитики?

— По телевизору — ничего. Может, у них негласное правило такое? Зато на форумах и в политических блогах много слухов про похождения Эдварда. И не только Эдварда, но сейчас речь именно о нем, так что... Про художницу, правда, не слышала. Пока.

— Может, изучишь эту тему? В смысле, тему походов. Вдруг накопишь что-нибудь про женщин, которых нет в нашем списке, или про особо некрасивый разрыв. Если найдешь что-нибудь интересное, отправь копию мне и Хэнсону.

— С превеликим удовольствием. — Пибоди достала ППК. — Сейчас и начну.

Остаток пути они проделали в молчании, которое нарушало только сердитое бормотание Пибоди.

Войдя в убойный отдел, Ева быстро огляделась по сторонам. Кармайкл, одетая в полную форму, только что появилась из раздевалки. Трухарт со своим бывшим тренером, а отныне напарником, то ли еще наводили марафет, то ли уже спустились вниз. Сантьяго и Дженкинсон сидели на рабочих местах, один уткнувшись в телефон, другой — в компьютер. На голове у Сантьяго красовалась ковбойская шляпа — результат пари, которое он проиграл детективу Кармайкл. А Дженкинсон умудрился отыскать очередной галстук расцветки «вырви глаз». На этот раз в полоску: зеленую цвета рвоты и желтую цвета мочи.

Ева молча покрутила пальцем в воздухе, как бы говоря: «Закругляйтесь», и заскочила на минуту к себе в кабинет — хлебнуть кофе и кое-что записать.

Когда Ева вошла в раздевалку, Пибоди стояла в одних форменных брюках, лифчике и майке, а из глаз у нее катились слезы.

— Что ты?.. Немедленно перестань!

— Штаны велики!

— Ну так подтяни пояс, черт побери!

В ответ на нетерпеливый приказ Евы по щеке Пибоди скатилась еще слезинка.

— Широки в талии. И даже на попе немного отвисают. Я похудела! Наконец-то похудела! В прошлый раз форма была точно по фигуре, а теперь немножко велика!

— Хорошо, отлично, круто. А теперь соберись!

— Я очень старалась, особенно в последнее время. Ходила в спортзал три раза в неделю. Бросила взвешиваться, потому что цифра на весах никак не желала меняться. Ты не знаешь, каково это...

Ева достала из шкафчика форму. Ей неприятно было раздеваться перед кем-либо, кроме Рорка, но она начала стягивать с себя одежду.

— Может, и не знаю. По крайней мере, не вполне. Зато я была тощей. Не худой или стройной, а тощей. Слабой. Пришлось потрудиться, чтобы окрепнуть и нарастить мускулы. Так что я представляю, каково смотреть в зеркало и быть недовольной тем, что видишь.

— Никогда не думала об этом в таком ключе.

— Сидеть на диете и качать мускулы нужно, чтобы стать сильной и подтянутой, а не чтобы увидеть цифру на весах.

— Я знаю. Увидеть цифру тоже хочется, но я знаю. Занимаюсь рукопашным боем.

— Хорошо.

Ева натянула форменные брюки и постановила, что сидят они как всегда.

— А все-таки... не стала моя попа поменьше?

— Господи, Пибоди!

— Ну же, будь другом — ответь. Стала или нет?

Ева натянула куртку и посмотрела на Пибоди долгим пристальным взглядом.

— Вообще никакой попы не вижу.

Пибоди исполнила танец радости.

— Спасибо. Не забудь надеть медали.

— Угу.

— Помочь пристегнуть? Этакая тяжесть...

— Отвали. В следующий раз буду переодеваться у себя в кабинете.

Пибоди с улыбкой застегнула куртку.

— Сегодня я горжусь тем, что ношу форму. То есть я всегда горжусь, но сегодня особенно.

— Потому что штаны тебе велики?

— Ну и поэтому. Но прежде всего из-за Трухарта. Я горжусь тем, что надеваю ее ради Трухарта.

Да, ради Трухарта, подумала Ева, доставая коробку с медалями.

Когда она вошла в зал, Бакстер, сменивший модный костюм на полицейскую форму, уже сидел в первом ряду.

— Чуть не опоздали, лейтенант.

— Время еще есть. Слушай, ты должен со мной поменяться — стоять на сцене рядом с Трухартом.

Бакстер поднялся на ноги.

— Благодарю за предложение, но Трухарт заслуживает того, чтобы стоять рядом со своим лейтенантом. А я буду сидеть здесь, в центре первого ряда — тебе тоже занял местечко, Пибоди, — и наслаждаться моментом. Вон его мама и девушка. Скажите им что-нибудь.

— Скажу — после церемонии.

Ева обошла сиденья сзади, пробираясь сквозь море синих форм, и тут заметила майора Уитни, который стоял в стороне и беседовал с шефом Тибблом. Она двинулась было к

Трухарту, показавшемуся ей сейчас совсем юным, слегка бледным и свежим, как майская роза, однако Уитни сделал ей знак приблизиться.

— Майор Уитни, шеф Тиббл, отличный сегодня день.

— И впрямь. — Уитни, широкоплечий мужчина, казавшийся приземистым рядом с высоченным Тибблом, обвел глазами собравшихся.

— Хорошо, что вы смогли прийти, шеф. Это очень многое значит для тех, кто вступает сегодня в должность.

— Для меня тоже, — ответил Тиббл. — Прежде чем начнется церемония, хотел бы узнать, как продвигается расследование исчезновения сенатора Миры.

— Мы с детективом Пибоди только что вернулись из Института Миры. Насколько можно судить, никто из персонала не знал, что сенатор исчез. Он не сообщил администратору имени того человека, с которым должен был встретиться в Сохо, и отпустил шофера сразу же по приезде. Я обратилась к детективу Хэнсону из отдела по розыску пропавших без вести. Думаю, он уже продолжил расследование в институте. Мы с Пибоди собираемся опросить женщин, с которыми сенатор состоял в отношениях в течение последнего года. У меня есть сведения, что он регулярно принимал их в принадлежащем институту люксе в отеле «Палас».

Тиббл стиснул зубы и покачал головой:

— Журналисты набросятся на дело, как львы на антилопу... Требований выкупа пока не поступало?

— Насколько мне известно, нет.

— Сами понимаете: работать нужно так, чтобы комар носа не подточил. Когда история просочится в прессу, сенатора растерзают на части, однако отдел и само расследование тоже окажутся в центре внимания.

— Ясно, сэр.

— А пока давайте поздравим офицеров. Наслышан о вашем парнишке, лейтенант.

— Моем парнишке, сэр?

Тиббл улыбнулся, отчего морщины вокруг глаз обозначились резче.

— О Трухарте. Вы хорошо его подготовили.

— Трухарта готовил детектив Бакстер. Это его заслуга.

— Непременно ему передам. А теперь извините.

Когда Тиббл отошел на достаточное расстояние, Уитни повернулся к Еве. Его круглое чернокожее лицо было сурово.

— Посылать в жопу супругу бывшего сенатора неразумно и непрофессионально.

— Так точно, сэр. Прошу прощения за любые неудобства, которые причинила вам и отделу моя несдержанность.

— Моя жена велела ей катиться ко всем чертям.

— Что, простите?

Хотя голос Уитни оставался спокойным и серьезным, в глазах плясали веселые искорки.

— Анна состояла в тех же благотворительных комитетах, что и Мэнди Мира. Обычно гнев моей жены проявляется как холодное презрение.

— Я в курсе, — не подумав, брякнула Ева, но Уитни только усмехнулся.

— Однако Мэнди Мире удалось довести ее до белого каления, и Анна, среди прочего, велела ей катиться ко всем чертям. Теперь жена наотрез отказывается состоять в одних комитетах с супругой сенатора или как-то с ней взаимодействовать. Прошлым вечером, когда

Анна услышала мой разговор с Мэнди Мирой, она пришла в восторг и с удовольствием обсудила случившееся с нашей собственной Мирой, когда та мне позвонила. Однако официально я не могу потворствовать вашему поведению.

— Понимаю, сэр.

— Считайте, что я сделал вам выговор. — Лицо Уитни опять стало строгим. — А теперь давайте поздравим наших храбрых копов и вернемся к работе.

Ева вышла на сцену вместе с другими старшими офицерами и их подопечными. Пока Тиббл с Уитни произносили речи — к счастью, короткие, — остальные стояли по стойке «вольно». Оглядев зрителей, Ева обнаружила, что все до единого копы из ее отдела сидят в зале. Приятно сознавать, что они — и детективы, и патрульные — пришли поддержать Трухарта, хотя и непонятно, кто, черт побери, занимается делом. Кроме того, Ева увидела в зале Фини, Макнаба, Миру, которая, как и Трухарт, казалась немного бледной, и, к своему удивлению, Морриса. Когда очередного офицера называли по имени, он подходил к Уитни. Ему вручали значок детектива, после чего майор произносил несколько слов, и они фотографировались на память. Среди аплодирующих зрителей легко было узнать членов семьи — по блестящим от слез глазам.

— Детектив третьей степени Трой Трухарт!

Раздались бурные аплодисменты, и Еве каким-то чудом удалось сохранить серьезное выражение лица, даже когда копы из ее отдела начали свистеть и топтать ногами. Трухарт, уже не бледный, а раскрасневшийся, пересек сцену и принял из рук Уитни золотой значок детектива.

— Лейтенант Даллас заметила ваш потенциал, — негромко сказал Трухарту Уитни. — Детектив Бакстер его развил. Но этот значок вы получаете благодаря собственным качествам. Поздравляю, детектив!

— Спасибо, сэр. Спасибо, майор. Я не разочарую ни их, ни вас.

Трухарт поднял значок, позируя на камеру, а потом поступил как нельзя более верно: посмотрел прямо на Бакстера, прежде чем перевести взгляд на мать и возлюбленную. Затем он повернулся, чтобы занять прежнее место в глубине сцены, и послал Еве такую праздничную улыбку, что хватило бы на Рождество, День независимости и Новый год.

В конце получившие повышение копы один за другим спустились со сцены под аплодисменты зрителей, и Ева задумалась, сможет ли эхо этих аплодисментов хотя бы отчасти заглушить те оскорбления, которые им ежедневно придется выслушивать во время дежурства.

Ева хотела пройти сквозь зал, потратить пять-десять минут на то, чтобы поговорить с теми, с кем поговорить необходимо, потом потихоньку ускользнуть, переодеться и продолжить работу. Но Трухарт уже поджидал ее.

— Лейтенант!

— Дай-ка взглянуть... — Ева протянула руку, и Трухарт подал ей значок. — Красота. Следите, чтобы он оставался таким же блестящим, детектив Трухарт.

— Так точно! Просто хотел вас поблагодарить. Если бы не вы, мне бы здесь не стоять, не получить значка.

— Ты прошел хорошую подготовку у Бакстера, а в остальном добился этого сам.

— Не хотелось бы начинать первый день в качестве детектива с того, чтобы противоречить своему лейтенанту, но я бы, наверное, до сих пор подбирал трупы на улицах, если бы вы не предоставили мне шанс и не отдали под начало Бакстеру. Увидели, что я

справлюсь, — ну, на то вы и лейтенант.

— В чем-то ты прав. Поздравляю, детектив!

Ева протянула Трухарту руку. Он пожал ее и тяжело сглотнул.

— Знаю, вы этого не любите...

Он притянул ее к себе и стиснул в объятиях.

— Ну хватит, хватит...

Вспомнив о важности момента, Ева потрепала Трухарта по спине и тут же отстранила его другой рукой, чтобы не уронить профессионального достоинства.

— Решил перехватить вас тут, пока мы не вышли к остальным. Подумал, что обниматься на глазах у всех вам бы не понравилось.

— Правильно подумал. А теперь подойди к матери.

— Так точно!

Когда Ева уходила, Трухарт обнимался с матерью. Его девушка — как бишь ее зовут?.. — смотрела на них с сияющей улыбкой на лице, а вокруг толпился чуть ли не весь отдел в полном составе.

Ева незаметно ускользнула, чтобы перекинуться парой слов с Мирой.

— Как мистер Мира?

— Настоял, чтобы я поехала на церемонию. Наша дочь с ним, так что... На самом деле все в порядке. Он даже порывался поехать в университет, но я запретила. Пусть еще денек отдохнет.

— Вы плохо спали.

— Да, плохо. Многие дорогие мне люди ежедневно рискуют жизнью. Такова уж работа полицейского. Некоторые из них погибли, другие искалечены. Постепенно к этому привыкаешь и учишься как-то справляться. Но Деннис... Он ведет тихую жизнь, и мне даже в голову не приходило, что ему могут причинить вред.

Мира замолчала и перевела дыхание.

— Я поговорила с губернатором, — продолжила она.

— Серьезно?

— Не только у Мэнди есть связи. — Теперь голос Миры звучал спокойно и деловито. — Губернатор понимает ситуацию, а поскольку знаком с Мэнди лично... В общем, с этой стороны проблем не будет.

— Хорошо.

— С Мэнди я тоже поговорила.

— Да вы время даром не теряете!

— Я читаю ее как открытую книгу и умею с ней обращаться. Новостей от Эдварда она не получала, похитители на связь не выходили. Мэнди скорее злится, чем волнуется. Если бы не Деннис, я посоветовала бы вам бросить это дело...

— Послушайте, я дело не брошу, хотя возможность получить ордера есть только у Хэнсона, и он, наверное, продвинется дальше моего. Но мы продолжаем расследование, и я буду держать вас в курсе. Мне нужно сказать что-нибудь матери Трухарта, а потом мы с Пибоди побеседуем с последней любовницей Эдварда.

Мира положила руку Еве на плечо.

— Он вам за это спасибо не скажет, даже если сведения, которые вы получите, помогут спасти ему жизнь.

— Слава богу, я работаю не ради благодарностей.

Ева подошла к матери Трухарта. Пришлось вытерпеть еще одни объятия — на этот раз несколько слезливые.

— Спасибо, лейтенант! Трой мечтал об этом с детства, и вы помогли осуществить его мечту. Вчера вечером я спросила, чего он хочет теперь, когда стал детективом. Он ответил, что хочет стать таким же отличным копом, как вы.

— Миссис Трухарт...

— Полин, зовите меня Полин. Я рада, что вы ставите для него такую высокую планку. Не хотелось бы, чтобы он стремился к чему-то меньшему. Знайте, Трой будет каждый день гордиться тем, что получил значок детектива, а я буду гордиться им.

Еве хотелось улизнуть, приступить поскорее к работе, но она не смогла промолчать.

— Трухарт сообразительный и наблюдательный. Вдумчиво подходит к решению проблемы. Внешность тоже подходящая. Он симпатичный и какой-то домашний. Некоторые считают, что он мягкотелый и его легко обмануть, но это не так. А еще у Трухарта безупречный кодекс чести, так что вам действительно есть чем гордиться, ведь именно вы привили ему это.

— Спасибо, спасибо большое. — Голос миссис Трухарт дрогнул, а глаза наполнились слезами. — Простите... такой день...

Она стиснула руку Евы и заспешила прочь.

— Ты сказала именно то, что нужно. — Рядом с Евой возникла Пибоди.

— Она опять расплакалась.

— Матерям это свойственно.

— Давай выберемся отсюда и займемся тем, что свойственно копам.

— А как же торт?

— Штаны тебе велики, забыла?

— Черт... — Пибоди заспешила вслед за Евой, оглядываясь на стол с угощением. — Раз они велики, маленький кусочек торта не повредил бы.

— Раз они тебе велики, ты можешь быстрее их стащить и заняться делом.

С тяжким вздохом Пибоди вошла в лифт вслед за Евой.

Переодевшись в штатское, Ева заскочила к себе в офис, чтобы позвонить Хэнсону. Вестей от сенатора Миры или его похитителей по-прежнему не было. Хэнсон с напарником собирались допросить Винни, шофера Эдварда, и уже успели побеседовать с Сайласом Гринбаумом. Они займутся сотрудниками института, пока Ева с Пибоди объезжают любовниц.

К тому времени как Ева вышла из кабинета, Дженкинсон все в том же полосатом галстуке уже сидел за своим столом, Сантьяго — за своим. Кое-кто из патрульных тоже вернулся.

— Сегодня вообще кто-нибудь работает?

— Все под контролем, Даллас. — Зная ее острый глаз, Дженкинсон торопливо стряхнул с одежды крошки торта. — Классная церемония.

— Да, классная. А знаешь, что еще классно? Ловить подонков.

— Люблю это дело даже больше, чем торты, — ухмыльнулся Сантьяго.

Пибоди метнула на него обиженный взгляд.

— Ребята, вы нарочно, что ли?!

— В таком случае поймайте мне парочку подонков, — сказала Ева. — Пибоди, за мной!

— Идешь по горячему следу, Даллас?

Ева на ходу оглянулась на Дженкинсона.

— Скажу, когда сама буду знать. Даже не смей ныть по поводу торта, — предупредила она, входя в лифт. Пибоди обиженно надула губы. — Побеседуем с младшей из его подружек в галерее, где она работает, но сначала осмотрим место преступления. Хочу взглянуть еще раз, да и тебе ознакомиться не помешает.

— Мира сказала, что с мистером Мирой все в порядке. Однако вид у нее взволнованный, а я почти никогда не видела ее взволнованной.

— Она справится.

Им крупно повезло: по пути вниз лифт останавливался всего раз пять, и вошло не больше десятка попутчиков.

— Объедем всех известных нам любовниц, — объявила Ева, садясь в машину. — Допустим, Эдвард все еще встречается с художницей, но она уже начинает вякать. «Ой, дедушка-сенатор...»

— Бе-е!..

— Есть маленько. Так вот, она говорит: «Если бы ты развелся, мы смогли бы все время быть вместе!» А он: «Ну-ну, деточка...»

— Фу, фу, гадость какая!

— «Не могу же я бросить жену. А как же деньги, приличия и т. д. и т. п.? Лучше скушай мороженку».

— Меня тошнит. Даже торта больше не хочется. Так что спасибо.

— Всегда пожалуйста. А может, у нее есть более подходящий по возрасту, но бедный любовник, и они решают угрозами и побоями выжать из сенатора немного бабла. Начать с пары фингалов, потом перейти к шантажу. Тут входит мистер Мира, они впадают в панику и меняют план действий.

— Мне нравится.

— Или предыдущая любовница тлеет-тлеет и наконец закипает, потому что сенатор променял ее зрелую задницу на какую-то малолетнюю потаскушку. Так пусть же заплатит за это!.. Тут тоже нужен поделник.

— Чтобы, претворяясь риелтором, заманить сенатора в дом.

— А потом: «Сюрприз! Ах ты, старый кобель, сейчас мы тебя отделаем!» — Ева притормозила на светофоре. — Все эти сценарии меня не вполне устраивают, но хотя бы дают отправную точку.

Она какое-то время перебирала возможные варианты и наконец нашла еще один.

— У Макдональд железное алиби. Хэнсон проверит, но оно подтвердится. Может, Макдональд спала с Эдвардом, или у них еще какие-то счеты, и она нанимает кого-нибудь, чтобы с ним разобраться. Надо взглянуть на ее финансы. Мы имеем дело не с профессионалом, однако юрист, тем более занимающийся политикой, наверняка знает парочку сомнительных типов.

По дороге к особняку Ева изучала окрестности.

— Тихий, добропорядочный, богатый район. Опрос соседей ничего не дал: большинство было на работе или занималось своими делами. В такой мерзкий денек кто же станет глазеть в окно и проверять, не происходит ли чего-нибудь необычного на улице или в соседнем доме? Преступникам просто повезло, и это меня беспокоит. Они сумели вытащить из дома и погрузить в машину раненого человека, и никто ничего не заметил.

— Повезло, что день был мерзкий и пасмурный, а не солнечный?

— Да, такое заранее не спланируешь.

Ева вылезла из машины, оглядела особняк.

— Красивый дом, — заметила Пибоди. — Старый. Вернее, старинный и величественный. Понимаю, почему мистер Мира не хочет его продавать.

— Ему важнее то, что внутри — я не о вещах. Воспоминания, чувства, образы прошлого. А главное, он обещал. Если бы Эдвард Мира хоть немного понимал своего кузена, то знал бы, что мистер Мира не отступится от данного слова.

— Подожди-ка! А что, если это такая уловка, чтобы заставить мистера Миру отступиться?

Они прошли в калитку. Пибоди продолжала развивать свою идею, разматывая на ходу шарф.

— Сенатор инсценирует собственное похищение, а когда мистер Мира чуть с ума не сходит от беспокойства, ему звонят псевдопохитители. «Дайте согласие на продажу дома, иначе вашему кузену несдобровать»?

— Кто же в такое поверит?

— Ты сказала, что сенатору нужны деньги, так? Псевдопохититель заявляет, что Эдвард ему должен. «Продайте дом, чтобы я мог получить свои деньги, а не то я убью его».

Ева нахмурилась, подумала немного.

— Пожалуй, да, тоже отправная точка — не менее правдоподобная, чем... Печать сорвана.

Она сделала Пибоди знак остановиться и внимательно осмотрела полицейскую печать, которую вчера сама наложила на дверь.

— Кто-то проник внутрь. Включить запись.

Не говоря больше ни слова, обе достали оружие.

Ева приблизилась к двери, глянула на Пибоди и кивнула.

Они вошли в дом: одна пригнувшись, другая выпрямившись, одна целится вправо, другая — влево.

Держа оружие наготове, Ева выпрямилась и подняла взгляд.

С люстры свисало тело Эдварда Миры: лицо потемнело от синяков, горло покрыто запекшейся кровью. Бывший сенатор был совершенно обнажен, если не считать напечатанного на принтере плаката на груди: «ПРАВОСУДИЕ СВЕРШИЛОСЬ».

— Похоже, это все-таки была не уловка.

— А если уловка, то явно что-то пошло не так. Давай обьщем дом и сообщим в Центральное.

Они обыскали дом, записывая каждый шаг. Пока Пибоди звонила в Центральное, Ева нашла механизм, опускающий люстру. О его существовании она знала только потому, что в ее собственной прихожей был такой же.

— Можно чистить люстру, не залезая на стремянку, — объяснила она Пибоди.

— Удобно. Черт, хорошо же его уделали, прежде чем вздернуть.

— Думаю, повесили еще живым. Порезы на шее, скорее всего, нанес себе сам. Частицы кожи и кровь под ногтями тоже, вероятно, принадлежат ему. Но это установит судмедэксперт, как и причину смерти.

Ева открыла принесенный Пибоди чемоданчик с полевым набором. Пока изолировались, она продолжала рассматривать тело.

— Били по лицу и по гениталиям, раздели догола. Личные счеты. Причем крупные. Возможно, сексуального характера.

— На попытку шантажа точно не похоже. Может, одна из тех женщин, с которыми он спал? С другой стороны, ты права — как ей удалось выволочь его из дома? Видимо, не обошлось без сообщника.

Ева достала набор инструментов и измерительных приборов. Первым делом установила личность с помощью идентапада.

— Убитый — Мира, Эдвард Джеймс. Шестьдесят восемь лет. На лице множественные порезы и кровоподтеки. Обе скулы, похоже, сломаны, выбито несколько зубов. — Ева надела очки-микроскопы. — Пибоди, проверь время смерти. Вряд ли побои нанесены кулаками. Возможно, резиновой дубинкой. Скорее всего, с утяжелителем. То же касается гениталий, хотя в паховой области присутствуют какие-то... следы от уколов, что ли?

— Смерть наступила в три тридцать шесть.

— Значит, перед смертью его довольно долго избивали. На запястьях кровоподтеки. Взгляни, как расположены.

Трупное окоченение еще не прошло, поэтому Ева показала на собственных руках — соединила ладони и подняла над головой.

— Похоже, его связали и подвешивали за руки — видишь, как расположены кровоподтеки? На лодыжках синяков нет. Пинали по яйцам, много раз подряд. А вот неглубокие следы от уколов... Думаю, туфли с этими дурацкими заостренными носками.

— Значит, убийца — женщина.

— Я видела такие и на мужчинах, хотя согласна, скорее всего, женщина. Месть на сексуальной почве. «Буду пинать тебя по яйцам, ублюдок, пока не отвалятся!» — по-моему, так. А еще его насильовали.

Плечи Пибоди поникли.

— Что?!

— Ты не смотрела на тело со спины. Анус разорван и окровавлен. Сенатора насильовали каким-то предметом. Личные счеты на сексуальной почве, тщательно разработанный план. Его привезли обратно в дом. Может быть, изначально пытать хотели именно здесь.

— Но пришел мистер Мира...

— У них была машина и место, куда отвезти сенатора. Возможно, это план Б. Возможно, они с самого начала собирались забрать его с собой, потом привезти обратно и

повесить.

Ева села на пятки.

— Готова поспорить, сенатора привязали к люстре и дождались, пока он начнет приходить в себя — пока очнется и сможет чувствовать и сознавать, что с ним происходит. Потом нажали кнопку и наблюдали, как он взмывает все выше, пытаясь разорвать веревку, как задыхается, раздирает себе горло ногтями. Когда месть настолько личная, хочется, чтобы обидчик чувствовал приближение смерти, хочется самому видеть ее наступление.

— Кто пойдет на такое из-за любовной интрижки? Неужели женщина способна настолько рассвирепеть лишь потому, что ее бросили?

— Конечно. Разумеется, это означает, что она совершенно чокнутая, но разве мало в мире чокнутых? Сообщник в таком случае тоже совершенно чокнутый.

Ева встала на ноги и на секунду прикрыла глаза, чтобы четче увидеть картину.

— Итак, вчера убитый приезжает сюда, чтобы поговорить о продаже дома, который он не может продать без согласия мистера Миры, а мистер Мира согласия давать не собирается. Сенатор сам впускает убийц. Возможно, чокнутая любовница притворилась вменяемой и предложила познакомить его с риелтором. Возможно, пришла неожиданно. В любом случае сенатора отводят в кабинет.

Ева обогнула труп и сделала несколько шагов в глубь прихожей.

— Он не был связан — по крайней мере, мистеру Мире так не показалось, экспертиза установит. Значит, ему угрожали шоком. Один держит на мушке, другой лупит по лицу. Приезжает мистер Мира, окликает кузена по имени, идет в кабинет. К нему убийцы шокер не применяют, просто бьют по голове.

Ева ходила из угла в угол, прокручивая в голове разные варианты. Это было уравнение с переменными, и картинка менялась в зависимости от того, какие значения она в него подставляла.

Недовольная результатом, Ева начала сначала.

— Давай вернемся назад и прикинем время. Долго ли находился в их власти убитый до приезда мистера Миры?

— Ты сказала, что убийцы уже начали избивать сенатора — что мистер Мира заметил следы побоев.

— Подбитый глаз, когда планируешь такое завершение?.. Да они едва приступили! В кабинет сенатора отвели не силой, а просто в ходе осмотра. А там уже набросились.

Чтобы удостовериться, Пибоди прошла по коридору, заглядывая в комнаты, и остановилась на пороге кабинета. Да, теперь она тоже могла себе представить такую картину.

— Если сенатор знал одного из убийц — а он наверняка знал, потому что счета у них личные, — беспокойства он не испытывал.

— Вот именно. Не чувствовал угрозы. Промотаем вперед. Мистер Мира лежит на полу без сознания. Совсем чокнутые его бы прикончили. Значит, убийцы не совсем чокнутые. Они решают забрать сенатора с собой — отвезти куда-нибудь, где можно спокойно поквитаться. Один из убийц достаточно соображает в технике, чтобы прихватить жесткий диск со станции безопасности.

— Выходит, не совсем чокнутые и не в полной панике.

— Верно. У них есть план, и они не теряются — следуют ему до конца.

— А как сенатора смогли увезти? Допустим, убийцы надеялись, что в такую погоду их

не заметят. Но как его заставили идти?

— Применили шокер? Слегка, чтобы обездвигнуть. Или накачали наркотиками. Моррис проверит. Убийцы сажают Эдварда в машину. На месте им приходится проделать все то же самое в обратном порядке: вытащить сенатора из машины и отвести туда, где они собираются его пытаться. Кое-какие подробности расскажет сам убитый: применили ли к нему шокер, накачали транквилизаторами или просто запугали. Все это выяснит Моррис. — Ева огляделась. — Не думаю, что дело в доме. Продажа дома — всего лишь уловка, чтобы заманить сенатора в ловушку и забрать с собой. Его повесили здесь. Значит, хотели, чтобы тело нашли. А еще хотели произвести определенный эффект.

— «Правосудие свершилось», — прочла Пибоди. — Возможно, месть за то, что Эдвард кого-нибудь засадил или, наоборот, не засадил. А женщина охмурила его, чтобы подобраться к нему поближе, собрать информацию, втереться в доверие.

— Возможно. Версию мы проработаем. Если дело действительно в том, что Эдвард засадил или не засадил кого-то за решетку, то наверняка по обвинению в изнасиловании. Каким-то образом все это связано с изнасилованием.

— Потому что его самого насиловали.

— Сделать такое с человеком и называть правосудием?.. Это месть, а с помощью секса мстят только за секс. Так что тут явно замешано изнасилование. По крайней мере, мне видится именно так.

В дверь постучали.

— Наверное, чистильщики или бригада из морга. Впусти их, и давай отправим кого-нибудь опросить соседей: не заметил ли кто-нибудь прошлой ночью машины рядом с домом или света в окнах. И пусть еще раз уточнят про вчерашний вечер, между шестнадцатью и восемнадцатью часами, просто на всякий случай.

Ева еще раз взглянула на Эдварда Миру. Вряд ли он вызвал бы у нее симпатию при жизни, но в смерти он принадлежал ей.

Когда Пибодипустила ребят из морга, Ева достала телефон и вошла в кабинет. Затем тяжело выдохнула и позвонила Мире.

— Ева... — Мира даже глазом не моргнула и не дала ей слова вымолвить. — Эдвард мертв.

— Сожалею.

— Не нужно. Где вы? Что случилось?

— В доме на Спринг-стрит. Об этом тоже сожалею. Официально причину смерти определить не могу. Когда Моррис...

— Ева!

Черт, подумала она.

— На лице и гениталиях следы побоев. Его насиловали каким-то предметом.

— Боже мой...

— Судя по следам на запястьях, руки связывали над головой. Скорее всего, когда Эдварда повесили на люстре в прихожей, он был еще жив. На шее висел плакат с надписью: «Правосудие свершилось».

— Ясно. — Мира прикрыла глаза и потерла лоб. — Личные счета на сексуальной почве...

— Я не прошу вас составить портрет преступника — по крайней мере, пока. Дайте себе время оправиться. Не знаю, что именно вы скажете мистеру Мире...

Мира открыла глаза.

— То же, что вы сказали мне, естественно.

— Хорошо. Нам придется еще раз с ним поговорить. Мне очень жаль.

— Не извиняйтесь, — отрезала Мира, подняв руку. Явно успела прийти в себя. — Не извиняйтесь, — повторила она уже спокойнее. — Мы с мужем хотим, чтобы вы сделали все, что нужно, все, что в ваших силах, чтобы найти того, кто это сделал. Деннису приехать в Центральное?

— Нет, не надо. Я сама приеду. Сначала сообщу ближайшим родственникам, а потом поговорю с мистером Мирой, прежде чем ехать в управление. Официально я не могу консультироваться с вами по этому делу.

— Конечно. Конфликт интересов. Я еще плохо соображаю.

— Однако неофициально попрошу вас составить портрет преступника, только позже. Сейчас отправляйтесь домой. Вам лучше быть рядом с мистером Мирой, когда я буду его допрашивать. Я позвоню Уитни, потом заеду поговорить с женой убитого, так что успеете добраться до дома.

— Да, вы правы. Отправлюсь минут через пять.

— Еще кое-что. Я сообщу обо всем Надин Ферст.

— О... — вздохнула Мира.

— Информация так и так просочится в СМИ. Я сообщу Надин, чтобы она смогла первой осветить произошедшее. Фильтруйте все входящие звонки: как только новость попадет в эфир, журналисты захотят поговорить с вами и с мистером Мирой. Подготовьте заявление для прессы.

— Я знаю, что делать, и обо всем позабочусь. Поступайте так, как считаете должным.

— Буду у вас часа через полтора.

Ева обернулась — на пороге стояла Пибоди.

— Чистильщики прибыли, наши ребята проводят опрос. Катафалк на пути в морг. Я сделала отметку, чтобы тело попало прямо к Моррису.

— Значит, с этим все. Здесь мы закончили. Теперь нужно сообщить жене убитого.

— Ненавижу эту обязанность.

— На сей раз она покажется тебе особенно неприятной.

Прежде чем покинуть место преступления, Ева позвонила Уитни.

— Тиббл прав насчет СМИ, — заметил он. — Особенно учитывая сексуальный подтекст убийства.

— Да, сэр. Я собираюсь позвонить Надин Ферст. Уж лучше пусть первый сюжет сделает человек, которому я доверяю. Человек, знакомый с супругами Мира. Что бы ни началось потом, первый репортаж будет честным.

— Хорошо. А я поговорю с Тибблом и консультантом по связям со СМИ. И помните, Даллас: действуйте так, чтобы комар носа не подточил!

— Поехали, — сказала Ева напарнице, когда Уитни повесил трубку. — С Надин поговорю по дороге.

Сев за руль, она первым делом позвонила Надин. Журналистка, которая, как всегда, выглядела так, будто готовилась выйти в прямой эфир, поприветствовала ее ослепительной улыбкой.

— Даллас! А мы с твоим обольстительным мужем как раз осматриваем пентхаус. Если бы Рорк шел с ним в комплекте, купила бы не задумываясь.

— Заведи собственного. А теперь включи журналистский режим.

Зеленые кошачьи глаза Надин так и впились в Еву.

— Что у тебя?

— Менее часа назад мы с Пибоди обнаружили труп бывшего сенатора Эдварда Миры в доме, принадлежавшем его бабушке с дедушкой.

— Черт, черт, черт! Подожди, возьму диктофон!

— Просто слушай. Жертву жестоко избили и повесили, предварительно изнасиловав.

— Господи... Это же бомба!

— Вчера около семнадцати двадцати пяти, согласно бортовому журналу скоростного такси, в котором он ехал, кузен сенатора Деннис Мира — нет, лучше профессор Мира — вошел в дом, увидел избитого сенатора и попытался ему помочь, после чего на него напали сзади и нанесли удар по голове. Профессор Мира вызвал полицию. С тех пор следователи безуспешно пытались установить местонахождение сенатора, которого, как полагают, удерживали где-то против воли, прежде чем отвезти обратно в дом деда. Главный судебно-медицинский эксперт устанавливает время и причину смерти. Старший следователь от комментариев пока воздержался, однако отдел обещает сделать официальное заявление, как только все подробности будут подтверждены.

— Черт, умеешь ты ошарашить!

— Мне нужно сообщить ближайшим родственникам. Не выпускай историю в эфир, пока Пибоди не даст отмашку.

— Договорились. Как Деннис? С ним все в порядке?

Ева перевела дыхание. Заводить друзей она не умела, но если уж заводила, то могла положиться на них во всем.

— Я сливаю тебе информацию по двум причинам: во-первых, ты будешь ждать отмашки, а во-вторых, ты спросила про мистера Миру. С ним все хорошо. Его ударили по голове, но чувствует он себя нормально.

— А теперь мой долг, как журналиста, спросить, подозреваешь ли ты кого-нибудь.

— Нет, потому что расследование только началось. Раз уж ты все равно с Рорком, передай ему, что я разрешаю рассказать тебе про дедов дом. Подробности все равно выплывут — уж лучше раскрыть их с самого начала. Главное, никаких намеков, что мистер Мира в числе подозреваемых. Он свидетель и жертва нападения, все.

— Я-то думала, ты знаешь меня лучше.

— Знаю. Поэтому и позвонила еще прежде, чем сообщить ближайшим родственникам. Пибоди даст отмашку, как только мы с ними поговорим. А сейчас мне пора.

— Мне тоже.

Обе повесили трубку, и Ева хмуро уставилась на плотный поток машин.

— Как собираешься поступить с мистером Мирой?

Ева нахмурилась еще сильнее.

— Что значит «поступить»?

— Послушай, я прекрасно знаю, что он тут ни при чем. Я насчет слов Уитни: «Действуйте так, чтобы комар носа не подточил». Мистер Мира последним видел сенатора живым. К тому же у них с убитым были натянутые отношения — отчасти из-за того самого дома, в котором нашли тело. Я понимаю, как бы мы поступили, если бы не знали и не любили мистера Миру...

— Да не подточит этот чертов комар своего дурацкого носа, не подточит!

— Просто не хочу сбить тебя с ритма.

— Не собьешь.

К тому времени как Ева затормозила перед сверкающим небоскребом, она была уже на взводе. Незнакомый швейцар в костюме белого медведя тут же направился к ним. Ева выскочила из машины, сунула ему под нос полицейский значок.

— Полиция, по полицейскому делу. Это полицейская машина, и она останется там, где стоит. Будете возражать — моя напарница арестует вас за препятствование правосудию и расследованию и отвезет прямехонько в Центральное управление.

Смутное лицо швейцара сделалось непроницаемым.

— Я же ни слова не сказал!

— Очень умно с вашей стороны. А теперь дайте нам допуск в апартаменты Эдварда и Мэнди Миры.

Швейцар поморщился:

— Послушайте, я должен следовать инструкции. Вы делаете свою работу, а я — свою. Мне нужно получить разрешение от личной охраны супругов Мира.

— Так вперед.

Вслед за швейцаром они подошли к зданию. Он оказался достаточно вежлив — или вышколен, — чтобы придержать для них дверь.

— Минуту, пожалуйста.

Швейцар подошел к тому же компьютеру, по которому говорил вчерашний, и ввел код.

— Хэнк, говорит Джона. Тут у меня пара копов, которые...

Ева оттолкнула Джону в сторону.

— Хэнк, говорит лейтенант Даллас. Некогда тянуть резину. Дайте допуск нам с напарницей — чем скорее, тем лучше.

— Мне о собственной шкуре думать надо. Миссис Мира внесла вас в черный список.

— Она должна меня выслушать. Если откажется, узнает о случившемся из новостей — так ей и передайте.

— А, черт с ним. Все равно место паршивое. Даю допуск. Джона, пропустите их обеих.

— Вас понял.

— Дорогу я знаю, — сказала Ева швейцару и подошла к тому же лифту, что в прошлый раз.

— Стиленько, — заметила Пибоди, когда они вошли в кабинку.

— Тут повсюду глаза и уши, — предупредила Ева.

— Правда? — Мурлыча что-то себе под нос, Пибоди огляделась по сторонам, понюхала розы. — Часто используешь новое додзё?

— Пару раз в неделю. Учусь быть медведем, петухом, журавлем, тигром и драконом. Целый зоопарк. К концу занятия как-то незаметно начинает нравиться.

— А я бы не отказалась побыть драконом, — задумчиво произнесла Пибоди.

Хэнк встретил их обиженным взглядом.

— Пообещала, что велит сенатору устроить мне нагоняй. У вас ровно три минуты, после чего она звонит губернатору.

— Думаю, она не сделает ни того ни другого. Открывайте дверь, Хэнк.

Охранник покачал головой, но все же открыл.

Мэнди стояла посреди комнаты — руки крестом на груди, подбородок поднят, взгляд исполнен презрения.

— Это вторжение на частную территорию! Ровно через три минуты десять секунд я позвоню губернатору и своим адвокатам.

— Миссис Мира, вынуждена с прискорбием сообщить, что ваш муж убит. Сожалею о вашей потере.

Щеки Мэнди вспыхнули, словно два красных флага.

— Что это значит? Да как вы смеете заявляться сюда и говорить мне такое?!

— Его тело со следами побоев обнаружили повешенным на люстре в прихожей дома на Спринг-стрит. Тело отвезли на экспертизу к главному судмедэксперту, который установит точную причину смерти.

Щеки Мэнди побледнели, в лице не осталось ни кровинки, однако голос звучал по-прежнему громко и яростно.

— Вы лжете!

— Я старший следователь по делу о смерти вашего мужа и пришла, чтобы вас уведомить. Мы понимаем, что вам тяжело, но у нас есть несколько вопросов. Ответы помогут найти убийцу вашего мужа.

— Убирайтесь! Прочь из моего дома! Вы просто лжете! Лжете, чтобы меня позлить!

— Сами знаете, что не лгу.

Мэнди покачнулась, и Хэнк тут же бросился к ней, придержал за локоть.

— Миссис Мира, мэм, вам лучше присесть. Сядьте, а я принесу воды.

— Вы лжете... — повторила Мэнди дрогнувшим голосом.

Ева подошла к ней. Мэнди не плакала — просто сидела, белая как полотно. Потрясение в ее глазах казалось вполне искренним.

— Около часа назад мы с напарницей вошли в дом на Спринг-стрит и обнаружили тело вашего мужа. Я офицер полиции, миссис Мира, работаю в отделе по расследованию убийств. Я никогда не лгу, если дело касается убийства. Скажите, кто мог желать смерти сенатора Мира?

[Купить полную версию книги](#)

notes

Сохо — жилой район Манхэттена. (*Здесь и далее — примечания переводчика.*)

С отличием (*лат.*).

«Фи-Бета-Каппа» — старейшее студенческое общество в США, куда принимают только учащихся с хорошей успеваемостью. Название по первым буквам греческого девиза «Philosophia biou kubernetes» («Философия — рулевой жизни»).